

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «РУКОПИСЬ ГОДА»

АЛЕКСАНДРА ГРУЗДЕВА

ДЕМОНЫ
ДОМА
ОГНЯ

The title 'ДЕМОНЫ ДОМА ОГНЯ' is written in large, white, bold, sans-serif capital letters. The text is overlaid on a central illustration. The illustration features a stone bust of a man's head with long, wavy hair, set against a background of a brick wall. Several dark red roses with thorny stems are scattered around the bust and the text.

18+

Суперпроза

Александра Груздева

Демоны Дома Огня

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Груздева А. О.

Демоны Дома Огня / А. О. Груздева — «АСТ»,
2017 — (Суперпроза)

ISBN 978-5-17-107049-6

Еще со времен Шумерского царства существует могущественная семья, заключившая договор с демонами и получившая от них власть и бессмертие. Но один из семьи совершил преступление, за что был изгнан и лишен дара. Что он ищет все то время, которое ему отпущено на Земле, и как ему может помочь странная девушка, встреченная им осенью 2003 года в Петербурге?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-107049-6

© Груздева А. О., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1. Ада	7
Глава 2. Лилу	20
Глава 3. Приемная бога	35
Глава 4. Ян	48
Демоны от начала времен	60
Глава 5. Дом Гильяно	62
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александра Груздева

Демоны Дома Огня

© Александра Груздева, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Истинный рай – это потерянный рай.
Марсель Пруст. Обретенное время*

*Аттар из Нишапура посмотрел на розу и сказал – почти
неслышно, как бы мечтавая, а не говоря: «Твой смутный мир в моих
ладонях. Время сминает и не замечает нас...»
Хорхе Луис Борхес. Unending rose*

Если хочешь подняться на небо, прежде нужно войти в океан. Он отделяет небо от земли. Это Левиафан, дышащий приливами и отливами, говорящий на языке волн. Он может свернуть тебе шею, может бросить на скалы, а может принять в себя, как колыбель принимает младенца. Он – Бездонный, Вечный, Терпеливый.

Мальчишка стоял на берегу океана, он не умел плавать. Скорее всего, он просто захлебнется в одной из волн этой дикой стихии. Теперь стоило лишь выбрать время: на закате, когда пустеет побережье. Ему не было места в этом мире. Даже монахи не захотели оставить его у себя.

– Уходи! – сказал ему Учитель. – Твое место не здесь.

– А где? Где мое место? – со слезами в голосе возмутился мальчик. – Знаете как надо-едает, что нигде тебе нет места? Разрешите мне, по крайней мере, вернуться к вам, – добавил он тихо.

Учитель взглянул вдаль, туда, где он видел будущее, и ответил:

– Ты не вернешься.

В тот день, когда в монастырь пришел этот мальчишка, в час умственных упражнений Учитель предложил своим лучшим ученикам обсудить вот какую задачу:

– Пусть каждый из вас представит себя настоятелем монастыря. И вот в вашу дверь постучался демон. Впустите ли вы его?

– Настоящих демонов не существует, – тут же откликнулся Первый. – Ма-Чинг-Ла, йогиня XII столетия, говорила: лишь то, что мешает достижению просветления, и есть демон. Это может быть и любовь, и страстные отношения... Но величайший из демонов – вера в существование себя как независимого и вечного начала. Нужно разрушить эту привязанность к самому себе, иначе «демоны» так и будут то возносить тебя, то заставляя падать.

– Отменная у тебя память, – похвалил его Учитель.

– Демона нельзя пускать в монастырь, – заявил Второй. – Он вечно ищет место для аскетичной жизни, и неспроста, ведь во многих сказаниях говорится, что аскеза дает демону силу, которая позволит побеждать богов, управлять планетами, писать великие книги и стать родоначальником Учений.

– Но даже аскеза и плоды ее не заменят то, чего демон ждет и чего он жаждет, – продолжил Третий. – Ему нужна душа человека...

– Ради обретения души демон пойдет на любые жертвы, – подхватил Четвертый. – Но этого нельзя допустить. Демон – зло. Он воюет против добра. Любая религия это подтверждает.

– Поклон знатоку всех религий, – сдержанно улыбнулся Учитель.

– А знает ли демон, кто он? – робко спросил Пятый, и последний. – Вдруг он еще ничего не знает о добре и зле? Что-то ведь привело его в монастырь... Неужели можно отказать ему в том, чтобы он познал себя? Не берет ли в этом случае настоятель на себя роль судьи, а может, даже и палача? А что бы вы сделали, Учитель?

– Впустил бы его. Ведь он постучался. А мог бы пройти мимо. Если стучат, делай то, что должно быть сделано, – открывай ворота.

Учитель наблюдал за мальчиком издали. Тот старался. Но он не был обычным учеником и через какое-то время вполне мог бы претендовать на место Пятого, а затем и Первого. Учитель не сомневался: с таким упорством в занятиях мальчик может стать Лучшим учеником. Да что там... Лучшим из Лучших! Но знал он и то, что не включит нового послушника в круг своих приближенных.

Знает ли этот мальчик, как он одинок в этом мире? Знает ли, что подобных ему на Земле давно не осталось? А уж демоном ли его называть или еще как-нибудь... Это не более чем рамки для смущенного ума.

Мальчишка сидел на песке, провожая солнце и прощаясь с жизнью. Он понимал, что ему будет стоить большого труда войти в воду, и сейчас старался дышать глубоко и размеренно, чтобы унять черную тучу, которая разрасталась в груди. Может, он умрет от страха, а не от удушья? Все равно от чего умирать, лишь бы скорее. Не может он жить на свете, зная, что покушался на брата, что от него отсеклась мать, что он убил отца...

Глава 1. Ада

У него было нездешнее имя – Ашер и впечатляющая внешность – будто лев обрел черты человека. Грива темных волос волной зачесана назад, взгляд жгучий, яростный, черные глаза порой раскалялись до кровавого огня. Он горел, он пылал. А нарочитый изгиб рта говорил о едкости натуры, о непобедимом жале сарказма, о смелости, о свободе. Он был как соленое солнце среди безжизненных и сморщенных мужчин.

Ада, словно загипнотизированная, пошла за ним. Можно ли было ему отказать? В полумраке автомобиля по его лицу скользили отсветы рекламы, тени ложились на скулы, сбивая настройку черт с благородных на заурядные, с прекрасных на уродливые. В тусклом свете парадной он вдруг показался ей развалиной, жутким стариком. И она было дернулась, чтобы убежать. Но тут Ашер начал подниматься по лестнице, и девушка, как привязанная, двинулась за ним.

Квартира встретила их зияющей черной пастью. Ада стояла посреди темноты, ожидая спасительной вспышки электричества. Когда же свет превратит сумрачный фарс в обыденность, раздаст краски серым теням?! Но по-прежнему было темно... И сквозь тьму Ашер протягивал ей руку. Она уцепилась за палец, как за спасительный канат.

Ей редко приходилось испытывать настоящее влечение. Для Ады секс всегда был связан с неудобством, с болью, а иногда и с физическим отвращением. Но она принуждала себя, понукала – нельзя же совсем стать монашкой. И то, что ее потянуло к Ашеру, казалось чудом, теперь оставалось постараться получить удовольствие.

Задавленное, закиданное камнями, запретное желание начинало оживать, расправлять крылья – как лебедь, привыкший считать себя гадким утенком, но вдруг ощутивший свою стать с царственным изгибом шеи, бархатную глубину острого глаза.

Скользкий шелк водой пролился на пол. Застежка бюстгалтера сдалась с тихим щелчком. Он провел ладонями по ее груди. От первого же прикосновения Ада вздрогнула всем телом. Его руки царапали, а не ласкали. Словно на ладонях у него были рубцы едва затянувшихся ран. Ада стояла обнаженная в полной темноте, и ей казалось, что любовник с коварством ночного хищника наблюдает за ней.

Ашер сразу обратил на нее внимание. Прямая спина, но углы плеч сдвинуты вперед, будто она сомневается в своей осанке. Узкие запястья с крупными кистями рук, длинные пальцы. Такие руки хочется целовать. Он подошел, чтобы их познакомили.

Запах духов – густой, чувственный – обволок, стоило Ашеру чуть приблизиться. Он узнал аромат и мысленно поморщился – современный «Шалимар» отдавал химией искусственных ингредиентов. В то время как винтажную версию этого аромата – настоящее произведение искусства – теперь продают как драгоценность. То, что нынче стоит на прилавках в упрощенных, сглаженных флаконах-фонтанах с надписью «Шалимар», – возмутительная, пошлая сладость, дешевая страсть на копеечных простынях. Он задержал ее пальцы в своих и среди резких ванильных волн парфюма уловил тонкий, едва различимый аромат лотоса – природный аромат ее кожи, и лишь тогда коснулся губами ее руки.

Что в ней по-настоящему было прекрасно, так это волосы. Редкий оттенок. Не славянский пшеничный, не серо-льняной, не пепельный, не светло-русый, не пугающе белый, будто голову окунули в таз с отбеливателем, а природный платиновый. Издалека казалось, что самая настоящая, сияющая платина стекает на плечи.

И сейчас, в спальне, он делал то, о чем мечтал весь вечер, – обеими руками разглаживал ее волосы, запускал в них пальцы, как гребни, протягивая через них пряди до самых кончиков, захватывал их, наматывал на запястья, словно шелковистое полотно. Ада терпела, хоть и ожидала несколько иной прелюдии.

В запахе жареного миндаля и виски, который исходил от Ашера, ей чудилось что-то близкое, почти родное. Но как бы она ни хотела этого мужчину, ее тело все-таки бунтовало, застывало в ожидании боли, покрываясь ледяной коркой. Больно было всегда, но она знала: еще минута, ну две – и боль прекратится, и вот уже казалось, что где-то там, по другую сторону занавеса, ее ждет райский медовый плод, нужно лишь до него дотянуться.

И вдруг грубо, за волосы, ее голову потянули вниз. Простыни, жесткие от крахмала, зашуршали, как сломанные крылья. В тишине она слышала лишь его дыхание, шорох одежды и тонкий стук металла о поверхность, очевидно, тумбочки у изголовья кровати.

С него будто сняли ошейник, он перестал быть человеком. Его руки терзали и разрывали ее, как когти дикого зверя. От боли, от страха она задыхалась и не могла ни протестовать, ни кричать.

Это было так похоже на зимний день, когда за окнами мело белым-бело, снег хрустел под ногами, как квашеная капуста на зубах.

Груша лампочки под низким потолком. Запах плесени и теплой гнили. Пара ободранных кресел и неродной им диван с выпяченной пружиной.

От труб теплотрассы несло жаром.

Надеялись, что она согласится по-хорошему. Детдомовская девочка... Что ей терять?

– Держи ей руки! Руки держи! Царапается, черт!

– Ноги, ноги придави!

Их было четверо, а она – одна...

...Ашер ушел, смахнув с тумбочки в ладонь то, что, по всей видимости, делало его сдержанным и рассудительным большую часть времени. Ада осталась в спальне одна. Хотела тут же уйти, но болело все тело. Измученная, она обещала себе вот-вот встать, одеться, но так и уснула.

В утреннем полумраке Ада рассмотрела, что от запястий к плечам разбегаются синяки. Суставы ломило нещадно. Ладно хоть руки, ноги целы, голова на месте. Но где же эта голова была вчера? Медленно поднялась, потащила ноющее тело в ванную. К лицу он не прикасался, здесь все было в порядке, только губы вспухли от того, что она кусала их, чтобы не раскричаться, да тушь с ресниц осыпалась, ввела в щеки россыпью черных точек. Она терла и терла мыльной пеной лицо, безуспешно пытаясь отскрести засохшую краску.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка – белое лицо, спутанные волосы. Она шептала дрожащими губами:

– Это было как тогда, в подвале. Помнишь? – Ада не хотела вспоминать.

– И тебе не позволю, не позволю, не позволю, – проговаривала она твердо, заставляя губы не дрожать. – Ты знаешь, что это означает? Не правда ли, ты знаешь, что это означает?

– Нет, нет, – шептала незнакомка. – Пожалуйста, не надо, не делай этого...

– Но ты боишься, а значит, есть только один способ победить страх – повернуться к нему лицом. Если ты не сделаешь этого, страх останется с тобой навсегда. Страх разрушает. А я не дам ему себя разрушить. И ты не будешь бояться Ашера и мужчин, подобных ему.

Но незнакомка скулила, как побитая собака. И так опротивела Аде, что та мазнула мыльной рукой по зеркалу, чтобы не видеть жалкую ноющую тварь.

В спальне подобрала с пола вчерашнее платье – и только тогда обнаружила на тумбочке конверт с деньгами.

– Ты ошибся. – Она положила конверт перед Ашером на стол.

Он почти и не сомневался сейчас, что вышла ошибка. Иногда так бывает: сходятся несколько признаков, создается иллюзия. Но наступает утро, призраки рассеиваются – и видишь все в реальном свете...

Ашер, как ни в чем не бывало, завтракал в бесконечной каменно-хромированной столовой с металлическими шарами-лампами, спускающимися с потолка. Белизна его рубашки резала глаза, но Ада не отворачивалась, смотрела прямо, как на дуэли.

– Возьми. – Чашка звякнула о блюдец. – Я всегда плачу женщинам.

«Бежать, бежать, не оглядываясь... Нет, ты уйдешь лишь тогда, когда исчезнет твой страх, лишь тогда ты будешь свободна».

Она в раздумье стояла у стола. Ее больше ничто не держало в этой квартире. Она не хотела здесь оставаться. Стол. Она провела по нему пальцем, проверяя, не сон ли это. Круглый, стеклянный. Толстое стекло с небрежно обрезанным зеленоватым краем. Узор из трещин делает его почти непрозрачным. Не сон...

Не отпуская своих мыслей, она отодвинула стул и под села к Ашеру. От неожиданности он перестал жевать. Его пристальный взгляд, казалось, мог обрушить стены. Но Аду это не волновало. Она пыталась вспомнить, где уже так было однажды, что ей приходилось становиться из невидимки человеком. Большой палец правой руки потянулся через ладонь к безымянному, и она потеряла фалангу там, где женщины носят обручальное кольцо, бессознательным, машинным жестом.

Ада почти была уверена, что когда-то уже сидела с Ашером за одним столом – если не в этой, то в прошлой жизни.

– Кофе? – осторожно предложил он, понимая, что мыслями она где-то далеко.

Ада рассеянно кивнула.

Кофе на пересохших губах... Первый глоток – расплавленное черное золото – желанное, дорогое, но совершенно не пригодное для надсаженного от безмолвного крика горла. Она едва не поперхнулась.

– Ашер – это что-то голландское, вроде как огранка бриллианта? – спросила она, чтобы не молчать.

Вчера, когда она говорила громко и весело, была похожа на насмешливую птицу, сейчас – растерянная, задумчивая – она нравилась ему больше. Уголок ее рта опустился, а над левой бровью прорезалась короткая поперечная морщинка.

– Нет, – ответил он, пожалуй, громче, чем следовало. – «Ашер» в переводе с древнееврейского – «удачливый», «благословенный». Так звали восьмого сына патриарха Иакова в Ветхом Завете. По преданию, Ашер правил огромным царством, половиной мира, половиной – в представлении древних евреев, конечно.

– А мое имя что-нибудь значит? – спросила она и подняла голову от черной бездны, которую простые смертные чаще всего принимают за кофе.

Радужка ее глаз была едва тронута цветом, чтобы не испугать, не сойти за слепую: обычно Ада носила контактные линзы, васильковые или голубые.

– Ада – «украшение». Второе женское имя, упомянутое в Библии.

– Это хорошо?

– Неплохо.

Она поежилась под его пристальным взглядом. Теперь он смотрел так, будто хотел открыть в ней некий закон, объяснить все ее слова и действия чем-то, неизвестным ей самой.

– Который час?

– Утро, – ответил Ашер, не переставая пристально смотреть на нее. Он не носил часов.

Ашер наблюдал за ее лицом, по которому, как тени, пробегали то страх, то замешательство, то неуверенность. Она боится, она расстроена, она никак не может на что-то решиться... Пора заканчивать этот театр теней:

– У меня скоро самолет.

Радость взметнулась сигнальной ракетой: «Он тебя выставляет, все решилось, уходи, уходи!.. Нет, ты должна спросить, ты должна, ты должна, – убеждала она себя. – Спроси!»

Спроси сейчас же! – приказывала собственному „я“. – У тебя только один шанс. Если ты его упустишь, больше не сможешь быть сильной, не сможешь идти вверх, повиснешь, как безвольная тряпка».

Ашер давно не видел, чтобы люди смотрели так отчаянно, задавив на мгновение ужас перед зыбкостью человеческого существования:

– Можно мне с тобой?

Страх – он ведь тот еще трус: если идешь на него войной, он отступает.

Ашер потянулся через стол, коснулся ее руки, и она закусила губу, чтобы не расплакаться от обиды. Пальцы-предатели дрожали, тело еще помнило о пережитой боли. Ашер приподнял ее руку – на бледной коже припухшие синяки выглядели как черные кометы.

– Тебя не пугает?

– А тебя? – переспросила она с вызовом.

Он смотрел на ее руку, будто пересчитывал синяки, оставленные его пальцами, и наконец вывел нужную формулу:

– Мне нужен твой паспорт.

* * *

Теплыми осенними вечерами Выборг действительно становился похож на средневековый город. Позолоченный солнечный свет старил кладку стен, а театральные наряды продавцов сувениров и затейников игрищ во дворе замка перекраивал на домотканые и самодельные кожаные. Менялись и лица прохожих – замазанные светотенью, становились более суровыми. Ветер крепчал, рвал на башнях флаги, скручивая из них веревки.

Ада убегала под стены замка и, как слепая, ощупывала камни, отыскивая знакомые лица. Она прижималась к камням спиной и чувствовала их поддержку. В такие дни ей казалось, что внутри нее еще кто-то есть, живой и теплый. Опустившись на траву, уже тронутую желтизной, она ощущала себя сказочной принцессой в заколдованном городе.

В детстве ей никто не читал на ночь сказок. Иногда днем, в игровой, воспитательница снисходила к малышам и брала в руки книгу Андерсена или братьев Гримм, но слова сеялись как бисер, и смысл историй терялся в рыжих волосах куклы, которую нужно было успеть расчесать, пока игрушку не отобрал тот, кто сильнее, тот, у кого на куклу больше прав. Но прекрасные принцессы, колдуны, колдуньи, принцы, лишённые наследства, все равно проникали в ее сердце – через кожу в кровь, странствуя по сосудам и капиллярам. Хотя маленькая Ада знала, что сказки не становятся явью. Их придумывают, чтобы не так страшно было жить на свете.

В школе-интернате, где она воспитывалась, все мечтали о том, как вырастут и станут космонавтами, телеведущими, певицами и просто счастливыми людьми. В интернате для детей постарше уже никто ни о чем таком не мечтал, знали, что их потолок – ПТУ, если в психушку не запрут на всю жизнь. А запереть могли за пустяк: за грубость воспитателю, за курение в спальне после отбоя, за торопливый и неумелый оральный секс на лестнице, ведущей в подвал.

В дошкольном детском доме можно было пофантазировать если не о своем распрекрасном будущем, то о родителях. В интернате же с этими выдумками пришлось расстаться. Когда становишься старше, вдруг понимаешь, что тебя не забыли на скамейке в парке, не выкрали злобные и страшные бандиты (пираты, гангстеры, пришельцы – нужное подчеркнуть), ты не наследница мультимиллиардера, которую злобная тетка отослала с глаз долой, чтобы самой наслаждаться наследством и особняком на тысячу комнат, ты не принцесса из сказки, не волшебница, которой стоит только закрыть глаза и сильно-сильно захотеть оказаться в другом месте, подальше от рвотно-зеленых стен и мерзких воспиталок в белых халатах, и желание сбудется. Ты понимаешь, что родители тех, кто живет рядом, те еще сволочи, отбросы общества:

алкоголики и проститутки, бессердечные и бездумные, как кукушки. Или еще хуже – люди, пожелавшие остаться неизвестными.

Ада до последнего не верила, что ребенок может остаться один-одинешенек. Есть ведь где-то мама и папа... Ладно, допустим, папа известен не всегда. Мужчины – летучее племя. Воины, дебоширы, странники... Но мама?! Она ведь носила тебя в глубине своего тела. Она поддерживала в тебе жизнь. В конце концов, она произвела тебя на свет! Разве после этого она сможет навсегда расстаться с ребенком? Злой рок... Злые люди... Маму Ада оправдывала до последнего. Ей пообещали, что в шестнадцать лет она узнает кое-что о матери, и девушка гадала, что же ей откроется – имя, адрес, род занятий...

– Любка-то? – переспросила раздутаая синюшная женщина, сидевшая под окнами по тому самому адресу, что значился в роддомовских документах и тайно кочевал из интерната в интернат в личном деле Ады Борониной. – Давно сдохла, шалава. С хахелем очередным что-то не поделила – он ее и пришиб.

На кладбище, через край наполненным памятниками и крестами, рос один единственно важный деревянный крест. Ада стояла возле него и не понимала, нужно ли ей плакать. Так и стояла, без особых эмоций уткнувшись взглядом в жестяную табличку с датами жизни и именем покойной: Любовь Боронина. Без фотографии.

Вечером, как на поминках, стояла возле дома, смотрела на подогретые электричеством окна и думала, что ведь могла бы жить здесь, возвращаться из школы, со свиданий, из театра, с концерта. Вот почему у детей, гоняющих в темноте на велосипедах, или у собравшихся на лавочках с пивом подростков есть дом, а у нее нет?

Им за что?

А ей за что?

* * *

В Гонконге они провели три недели. Ашера она видела за это время раз пять. И каждый раз – ночью, каждый раз – в темноте. В Нью-Йорке пробыли десять дней. Он нашел свободный вечер, и они даже сходили в театр на Бродвее, на какую-то ультрамодную постановку. Ада чуть не сторела со стыда, потому что Ашер весь спектакль хохотал, как ненормальный, в то время как публика в зале настороженно молчала – пьеса была глупая и совершенно не смешная. Смех у Ашера был необычный, замешанный не на улыбке, а на раздражении. Он смеялся, как лаял бы волкодав, по крайней мере, так казалось Аде.

Потом их ожидала скачка по европейским столицам. Нигде они не задерживались дольше чем на одну ночь. Ада не успевала ни осмотреться, ни погулять. И наконец, во Флоренции они остановились на роскошной вилле, которую последний раз перестраивали в XVII веке, а латали и подновляли после Второй мировой войны...

Флоренция, вопреки названию, не встретила их в цвету, она была рыжей, осенней. Со стен виллы на Аду безразлично взирали призрачные герои облупившихся средневековых фресок. Здесь давно никто не жил. Пахло плесенью, к тому же комнаты редко проветривали, но Аде нравился этот запах – он напоминал о море. Пожалуй, если бы она выбирала место, где жить, то предпочла бы домик у моря или океана, чтобы следить за перекатами басовитых волн и засыпать под мерный плеск воды, которая, как известно, точит все, даже камень.

Ада была так рада ноябрьскому солнцу Флоренции, более теплomu, чем питерское солнце весной. Протягивала бледные руки к свету, как чахлые ростки, но помнила – тонкая кожа моментально обгорает. Лежала в шезлонге у бассейна при полном облачении: в легинсах, просторном вязаном свитере, широкополой шляпе, прикрывающей даже плечи, и очках – громадинах на пол-лица.

Ашер... Когда она думала о нем, что-то внутри сжималось в тугий комок. Его невозможно было понять. Его нельзя было приручить. Вежливый с ней днем и грубый – ночью, он не знал жалости. Ада же от излишка гордости не выказывала своих истинных переживаний – ни страха, ни неудобства.

Вот только бы он хоть изредка оставался ночевать у нее в спальне. Тяжело засыпать одной. Она слишком долго спала одна – в детском доме, в интернате. Самым страшным был час отбоя, когда нужно заснуть, а ты не можешь из-за колючей тревоги за свою судьбу. Днем тревога затихала, сворачивалась ежовым клубком где-то в области живота, но стоило вспомнить о ней – колола. К счастью, было много отвлекающих дел: подъем, еда, прогулки, уроки. Лишь иногда застынешь с колготками, до половины натянутыми на одну ногу, и прислушиваешься, скребет – не скребет? Да, вот она, тревога, ошетибилась сотней игл. Под упреком нянечки, едким как кислота, вскакиваешь, одеваешься быстро-быстро – и бегом на улицу: носиться, висеть вниз головой на турниках детской площадки, кататься с горки, зарываться по локти в песок. Еще, еще, быстрее и быстрее, чтобы вертелись перед глазами лица, чтобы их размыло до плоскости ноздреватого блина, до неузнаваемости, чтобы слиться с этим миром, забыть о своем одиночестве, об отличии от тех, у кого есть родители.

Но ночью тебе некуда бежать в темноте общей спальни, где детей много, а в кровати ты одна. И никто не возьмет тебя на руки. Если нянечка случайно потреплет по голове, то жалость эта не добром – злом для тебя обернется: так и будешь ждать повторения этой мимолетной ласки и думать больше ни о чем не сможешь, сожалея, что не была к ней готова.

Ада думала, что вылечить ее от бесконечной жажды ласки можно, если обнять и не отпускать долго-долго, может быть, даже не дней, а лет. А тут Ашер, который не хочет спать с ней в одной постели.

Очень часто он уезжал на два дня, на четыре, иногда на пять. Ада радовалась – в такие дни вилла принадлежала ей одной. Домработница Лючия была не в счет, так же как и те, кто жил в домике для гостей, молчаливые печальные мужчины – они работали на Ашера Гильяно и казались Аде рабами, сосланными на галеры.

Она не думала, что их с Ашером отношения продлятся долго. Рассчитывала перезимовать в теплом климате и к лету вернуться обратно, в Петербург. Знала – Ашер не станет ее удерживать. Но предпочитала не думать об отъезде. «Ты во Флоренции, – говорила она себе. – В Тоскане, на родине Гуччи, вина и искусства. Наслаждайся, пока не отняли».

И она наслаждалась. В центре города величественный терракотовый купол Дуомо следил за ней из просветов узких улочек, как глаз великана. Рядом с собором на площади резная, будто из слоновой кости, колокольня Джотто, баптистерий, воздвигнутый на фундаменте храма Марса. Весь ансамбль выполнен из мрамора трех цветов: белого, зеленого и розового. Хотелось плакать, глядя на эти стены, которые столько пережили: религиозный экстаз, чуму, войны, реконструкции и ежегодные паломничества туристов. В первые недели Ада приходила на площадь Дуомо и плакала, она не могла объяснить своих слез, они лились сами собою, после них становилось легче на душе.

На узкой лестнице колокольни Джотто ежедневно разыгрывались драмы. Ослабевшие от долгого подъема туристы сползали по стенам, как куски сырого теста. На промежуточных площадках несчастные лежали на каменных скамьях, их грудные клетки вздымались так часто, что любой свидетель начинал оглядываться в поисках врача. На лестнице стоял свист и сип от тяжелого дыхания внезапно одряхлевшего человечества.

Ада поднималась по этой лестнице вслед за Ашером и, глядя на всеобщую немощ, поневоле начала гордиться своим спутником. Он не хватал ртом воздух, не скреб ногтями каменные стены, не проклинал изувера Джотто. Мало того, шел вверх быстро, дыхание у него вообще не сбивалось, и он еще успевал рассказывать Аде историю возведения собора и колокольни. Ада старалась не отставать от Ашера, хоть и была в туфлях на каблуках. Сверху город расплывался

озером терракотовых крыш, уцелевшие башни-свечи тянулись к небу, церкви словно хвастались друг перед другом богато украшенными фасадами.

– Человеку всегда полезно менять угол зрения, – сказал тогда Ашер, вдыхая тот головокружительно свежий воздух, каким он бывает только на высоте. – Мы все время ползаем по земле и никогда не видим пейзаж целиком. Оттого мы ограничены в своих суждениях. Недалеком горы – лучший путь к просветлению.

Зато вниз ноги, привычные к скоростному пешему спуску по питерским эскалаторам, несли Аду сами. Даже Ашер отстал. Она остановилась, чтобы дождаться, но его не было слишком долго. Тогда Ада решила подняться. Ашер стоял у стены, водил по ней рукой, ощупывая глубокую царапину. Краем глаза он заметил Аду:

– Вот настоящая память о прошлом. След от лезвия. И держали его под правильным углом: встретить оно не стену, а человеческое тело, рана была бы смертельной. Флорентийцы – воины, они всегда воевали, и даже сейчас готовы лить на головы обидчиков кипящую смолу с башен и сбрасывать вниз ядра.

Ада заметила: куда бы они ни пришли, в любом кафе, ресторане или крохотной забегаловке, не спрашивая, не уточняя, им наливали кофе не из кофе-машины, будто не могли доверить столь важную, почти священную, миссию автомату. Им выносили кофе откуда-то из-за занавесок, с кухни, где, видимо, его готовили вручную, стерегли пенку и разливали в чашки, дую на обожженные пальцы. Без Ашера же она получала стандартный эспрессо. Хорошего вкуса, с бодрящей ноткой горечи, но, конечно, его нельзя было сравнивать с напитком богов, сваренным в турке.

На следующий же день после приезда Ада отправилась по магазинам. Банковская карта Ашера – бездонный колодец. Когда он положил карточку на стол перед Адой, она спросила из вежливости:

– Сколько можно потратить?

Он усмехнулся:

– Сколько хочешь.

– А если не хватит?

Ашер достал из кармана горсть мелочи:

– Тогда вот – на автобус.

Лимонно-желтая сумка в витрине бутика Сальваторе Феррагамо выглядела космическим пришельцем, приземлившимся на краю мощенной булыжником площади. Ада долго стояла перед витриной, не решаясь на крупную покупку. Но банковская карта Ашера обязывала к непривычным тратам.

Когда она очнулась от головокружительного шопинга, то поняла, что руки у нее полны пакетов, ноги гудят и совершенно непонятно, в какой стороне находится вилла (даже адрес не записала!).

– Это на другом берегу реки. Вилла. Фасад с плющом. У нее нет даже имени. Возле кнопки звонка написано просто «Villa»... Я не помню названия улицы, – сникла Ада окончательно, понимая, что добраться домой – задача неразрешимая.

Таксист выслушал ее путанные объяснения и спросил только одно:

– Вы гостя синьора Гильяно?

Он не взял с нее денег, помог достать покупки из багажника, но не осмелился ступить на посыпанную белым гравием дорожку.

* * *

В Галерее Академии их встречал тощий лохматый парень, он все время приседал на тонких, туго обтянутых джинсами ногах и повторял как попугай:

– Синьор Гильяно, какая честь для нас. Какая честь!

На встречу с белокожим мраморным Давидом они шли мимо людей, выбирающихся из каменных глыб. Незаконченная скульптурная группа «Рабы» Микеланджело сошла бы за шедевр современного искусства. Отличная аллегория жажды свободы. И никому бы в голову не пришло, что концептуальности здесь – ноль, автор просто не завершил работу.

Безупречный Давид возвышался над зрителями. Ему не было дела до своих обожателей. Восторженные взгляды, ахи, вздохи – шуршащее море у его ног. Наверное, дело не только в мастерстве и не в том, что Микеланджело вырезал скульптуру из цельного куска мрамора, да еще испорченного начатками предыдущей неумелой работы дурака-скульптора, а еще в том, что руку автора направляла любовь. Ему почти удалось вдохнуть жизнь в глыбу мрамора, надлить ее душой.

Она посмотрела на Давида, потом – на Ашера:

– Да он похож на тебя!

– Ну, спасибо, – усмехнулся он. – К счастью, Микеланджело был ко мне равнодушен. Меня совсем не прельщала идея стать его любовником.

Он забыл частицу «бы», словно допуская, что мог жить в эпоху Микеланджело, но Ада не стала заострять на этом внимание:

– Нет, сам посмотри! Какие у него огромные кисти рук, как клешни. Прямо как у тебя. – Она подхватила его руку и развернула к свету ладонь. – Что это? – ужаснулась Ада, увидев уродливые рубцы, из-за которых было не разглядеть ни линию жизни, ни линию ума и сердца. Он не отнимал руки.

Пристально впиваясь глазами, точно боясь пропустить малейшее колебание в чертах ее лица, Ашер спросил Аду:

– Ты уже видела что-то похожее?

Спрашивает-то как... Будто времена инквизиции еще не прошли! И подобное безобразие встречается на каждом шагу!

Она затрясла головой:

– Нет. Нет.

А сама не могла оторвать глаз от его изувеченной ладони. На ее лице, как слайды, мелькали то ужас, то отвращение, то жалость... и снова ужас.

– Кто тебя так?

– Сам.

– Состоишь в секте самоистязателей?

Он высвободил руку:

– Пойдем. Не для всех Давид – красавец. Уильям Хэзлит... – Ашер покосился на Аду, которой явно не было знакомо это имя, и пояснил: – Английский эссеист XIX века, назвал Давида «неуклюжим актером-переростком одного из заштатных театров, да еще и голым».

– Дурак какой Х-хэз-злит, – пробормотала Ада, – зажрался в тени английской короны.

– Невежды восхищаются скульптурой и полотнами только из-за их возраста. Мол, в эпоху Возрождения ваяли и рисовали прекрасно, а в наше время – разучились. Здесь сейчас как раз проходит выставка Джотто. Посмотришь, с каким трудом ему давались человеческие пальцы. Он рисовал их сомкнутыми, потому что иначе получалось уродство. А ступни вообще выходили куриными лапами. Но это не помешало ему стать великим живописцем. Основателем новой школы.

Ада не видела куриных лап. По стенам струилось золото. И в золоте рождались и умирали люди. Они кричали от боли, извивались в страданиях, лица Мадонн роняли слезы, вопль Христа не различало ухо, но слышало сердце.

Она жалобно попросила Ашера:

– Уйдем, мне страшно.

Даже поздней осенью, под дождем, по виа Рикасоли, что под стенами Академии, змеилась очередь желающих взглянуть на подлинного Давида. Из-за визита Гильяно людям пришлось мокнуть под дождем лишние часы, потому что доступ в Галерею Академии прекратили за полтора часа до визита Ашера и Ады, а возобновили, только когда те вышли.

– Тебе не жалко туристов? – спросила она.

Он пожал плечами:

– Это флорентийская традиция, как дань уважения великим мастерам, – выстоять очередь, чтобы встретиться с искусством. Иные произведения ждут внимания веками, неужели человек не может выдержать на ногах пару часов?

«Но ты-то не ждешь, – мысленно возразила она. – А я, между прочим, в Уффици два часа простояла».

В галерею Уффици, куда они пришли на рассвете, задолго до открытия, их пустили без проблем, даже без единого вопроса. Ашер, едва сдерживая зычный голос в гулких залах, самозабвенно рассказывал о флорентийских художниках. Ада впервые видела его таким оживленным и не рискнула сказать, что уже была здесь, делала вид, что ей все в новинку. Зачем портить человеку удовольствие?

Ашер рассказывал иначе, чем экскурсоводы. Так, будто был знаком с каждым художником лично, распивал с ними вино и развлекался в борделях XIV века. Картины он знал до мельчайших деталей, объяснял, как в давние времена с помощью живописи зашифровывали знания о космосе, о Вселенной, о биологии, об анатомии, об эпохе правления, в которую довелось жить художнику. А еще он тыкал то в одну, то в другую картину пальцем и пренебрежительно бросал:

– Копия... Копия – и плохая... Реставратору надо бы руки вырвать... Не четырнадцатый, а шестнадцатый век. – И наконец заявил: – В картине отражается душа не только художника, но и того, кто надолго задерживает на ней взгляд, – и спросил, как на экзамене: – Что тебе больше всего понравилось?

В который раз Ашер смотрел на нее так, будто по лицу пытался предсказать ответ. И, странное дело, Ада чувствовала, что от ее ответа зависит многое, может быть, даже то, как скоро она вернется домой. Но врать не было сил, она устала бродить по залам четыре часа подряд, легче было сказать, что ее действительно впечатлило и запомнилось:

– «Рождение Венеры» Боттичелли.

Он кивнул, будто она проговорила и сообщила нечто больше, чем просто название картины и фамилию художника.

– А мне нравится вечернее небо на портрете Элеоноры Гонзага работы Тициана.

Похожее небо видела и она – в Петербурге во время студеных июньских ночей: в воздухе, как воины, скрещивали мечи сумеречная тень и возвышенная прозрачность. Редкие облака подсвечивались фиолетовыми тенями недосыпа, такого естественного в белую ночь.

Закат для Ашера был связан с особым ритуалом, и ритуал этот пугал Аду первые несколько недель пребывания на вилле. Стоило солнцу начать ежевечерний реверанс, как Ашер выходил на западную террасу и, наблюдая за закатом, салютовал уходящему за горизонт солнечному диску бокалом виски, будто поднимал тост за далекую и невидимую, но чрезвычайно могущественную персону.

* * *

– Во Флоренции есть своя история Ромео и Джульетты. – Они шли по набережной реки Арно, и Ашер отчего-то решил рассказать Аде романтическую сказку. – Девушку звали Джиневра Аламьери, и она была первой красавицей в городе. В те славные и безумные времена любовь считали пустяком, а потому девушку выдали замуж по расчету, притом что она любила

другого юношу. От тоски Джиневра начала чахнуть. Говорят, такое часто случается с безнадежно влюбленными девушками. День ото дня она становилась все бледнее, все худее, и в одно прекрасное утро муж нашел ее в постели бездыханной. От разлуки с возлюбленным Джиневра впала в летаргический сон. Ее похоронили. А дальше было как у Шекспира: склеп, ужасное пробуждение... Правда, у флорентийской истории счастливый конец. Когда Джиневра в саване явилась домой, муж и мать приняли ее за привидение и прогнали. Девушка не растерялась и отправилась напрямик к своему возлюбленному, жили они долго и счастливо.

– Чушь на постном масле, – рассмеялась Ада. – Его друзья спокойно восприняли, что он живет с привидением? И ведь их ни один священник бы не обвенчал!

Ашер, похоже, обиделся:

– Ты не веришь мне? Это случилось недалеко отсюда, на виа дель Оке. И если любишь женщину, то будешь жить и с ее привидением.

От неожиданности она сбилась с шага, каблук подвернулся, и Ада чуть не упала, но Ашер ее удержал. Он заговорил о любви? Что-то новое! Но тут ее спутник вновь нахмурился, замкнулся, и Ада начала подыскивать нейтральную тему для разговора... Перехватив взгляд Ашера на небо и речушку Арно (после Невы почти любая европейская городская река кажется ручьем), она спросила:

– Ты здесь родился?

– Нет. Но я долго жил во Флоренции.

– А где ты родился?

Она и не ждала, что Ашер ответит, спрашивала наудачу, для того чтобы заполнить паузу.

– Знаешь, где находится граница Ирана и Ирака?

– Знаю, – уверенно кивнула она. – Где-то возле Индии.

Ашер то ли хмыкнул, то ли кашлянул:

– Вот где-то там.

– Почему тогда у тебя итальянская фамилия? – Ада сама удивлялась собственной наглости.

Но он продолжал отвечать ровно, без эмоций, будто зачитывал статью из энциклопедии:

– Она не итальянская. Образована от двух слов древнего языка, современные ученые называют его шумерским: «гиль» и «Ан». И определяет, кто мы есть и чем занимаемся. «Гиль» означает «сокровище», «радость», «Ан» – небо и верховное божество у шумеров. Мое родовое имя переводится как «Сокровище Небес» или «Радость бога Ана». Это говорит о том, кто мы есть. «Гиль» имеет дополнительное значение – «опиум». Вот чем мы занимаемся. Мы дарим человечеству иллюзии, а люди принимают их за правду. Наша семья очень долго жила в Италии, поэтому имя приобрело местную фонетику. Вот как оно звучало раньше, – сказал Ашер и произнес несколько разнотоновых слогов, больше похожих на отрывистый собачий лай, в них трудно было распознать нынешнюю фамилию Гильяно.

«Наркоторговцы! Кто бы сомневался!» – поежилась Ада.

А вслух уточнила:

– Поэтому у тебя такое странное имя?

– Ашер – традиционное имя в нашей семье.

– А как еще у вас называют детей?

Помолчав, он все же ответил:

– Моего брата-близнеца звали Шем.

– Шем, – беззвучно, одними губами повторила за ним Ада. – Шем... – Как ветер в черных прибрежных скалах. – Шем... – Как эхо, на которое никто не отзовется.

Они пересекли мост, пошли по набережной, и тогда она вернулась к разговору:

– А где сейчас живет твоя семья?

– В Неаполе. – По тону чувствовалось, что его терпение заканчивается.

– Это их ты навещаешь, ну, знаешь, когда уезжаешь на несколько дней?

– Нет. Уезжаю я по делам. В Дом моего отца никто не может явиться без приглашения. Он меня пока не звал. Пойдем, начинается дождь.

Ада с недоумением взглянула на небо. Ни тучи, ни дождевики. Но едва они успели подойти до машины, как дождь прорвался с неба крупными горячими слезами.

* * *

Во Флоренцию пришли зимние дожди. Стучали, лили, проливались. Солнце пряталось за сеткой мороси, стыдливо выглядывало из-за туч – и тут же скрывалось в глубинах облачного ватного царства. Старинные дворцы облезли и осунулись под потоками воды, мощеные улочки пахли сточной канавой, а по мостам через мутную реку Арно текла толпа людей под черными зонтиками, словно все жители города облачились в траур.

Ада томилась на вилле. «Ску-у-учно», – тянула она, и ей вторили ручейки воды на стекле. Еле уговорила Ашера, чтобы на виллу кроме газет доставляли модные журналы. Он просматривал газеты за утренним кофе, раскрывал их наугад, хмыкал, наткнувшись на что-то понятное или интересное только ему одному, закрывал, сминал и скидывал в ящик для растопки камина – там хранилась тонкая щепка и вчерашние газеты.

На некоторое время журналы развлекли Аду. Но одной модой ведь сыт не будешь, скуку так не убьешь. Пробовала научиться вязать. Но не зря же у нее еще в детдомовской мастерской не заладилось с рукоделием, подсчет петель и медленное шевеление спицами привели ее в бешенство, она была готова выколоть проклятой спицей кому-нибудь глаз. Почитать, что ли?

У Ашера в кабинете, в шкафах за стеклом, находилась целая библиотека. Ада видела, как в отсутствие хозяина Лючия, воровато озираясь, убирала комнату, пугаясь каждого шороха, нервно трясясь даже от шума работающего пылесоса. Ашер не приветствовал лишние электроприборы в доме, на кухне даже тостера не было, не говоря о микроволновке.

Шкафы с книгами в кабинете оказались запертыми на ключ. Ада дернула одну дверцу, другую. Книжки за стеклом выглядели то распродажной древностью со стертыми названиями на ветхих переплетах, то солидными изданиями в кожаных обложках и даже в золотых окладах с пустыми гнездами (очевидно, из-под декоративных камней).

Если Ашер проводил вечер дома, после заката он читал небольшую книгу, размером с ладонь, в зеленом кожаном переплете, с потертыми углами и даже без следа бывшего названия на обложке. Он раскрывал книжицу, как и газеты, наугад и читал с той страницы, которая ему попадется. Эту книжку Ашер всегда носил при себе, за стеклами шкафов Ада не видела ни одной похожей.

Последний шкаф... Без особой надежды на успех подергала ручку-скобку. Заперто. Дернула сильнее, просто от раздражения на неудачу, и стекло, которое держалось в подгнивших пазах непрочной, выскользнуло из гнезда, провалилось внутрь и осыпало нижние полки осколками прозрачной геометрии.

«Ашер меня убьет! – испугалась она, отпрыгивая от разлетевшегося в стороны стекла. Но любопытство оказалось сильнее. – Да свалю на Лючию, а будет отпираться, про пылесос расскажу, – успокоила себя Ада и, с опаской протянув руку к книгам, вытянула из плотного ряда одну, в тисненой коже. Ovidius Metamorphoses. – Наверное, про монстров или что-то сказочное», – решила она. Присела на ручку кресла у стола. На минутку, только чтобы пролистать книгу. От пожелтевших страниц пахло особым книжным запахом, и не только... Тонкое обоняние Ады было не провести: от старого томика шел аромат ванили, напоминающий «Шалимар».

Книга оказалась на непонятном языке. Английский? Итальянский? Шрифт ужасно старомодный. Но занятно... Ада начала читать с середины, перешла к началу, забравшись в кресло с ногами, не отрываясь от страниц.

Вселенная рождалась, древние боги выступали вперед, они возвещали приход новой эры, создавали любовные союзы, проливали слезы, превращались в птиц и цветы, скользили грациозными ланями среди деревьев, обольщали женщин и мужчин... Боги уходили под землю, возвращались на небо, ныряли в морскую пучину, брались за оружие, вновь и вновь целовали земных женщин в уста, алые как гвоздики.

Но не только история увлекла Аду. Очень скоро она поняла, что может проверить себя с любой страницы, – каждую строчку могла прочесть глазами и вслух, прекрасно понимая смысл прочитанного. И странное дело, прочитанное рождало в ней ощущение чего-то давно забытого, будто она уже держала в руках этот том и даже делала пометки. Поля этого экземпляра были чисты, но Ада легко находила места, где не хватало тонких чернильных штрихов.

Поглощенная своим исследованием, она даже не заметила, как вернулся Ашер. Вопреки ожиданиям, он не рассердился, а может, просто устал и не хотел скандала:

– Там нет картинок. И вообще, это латынь. Поставь на место.

Ада надула губы:

– Жадина-говядина, пустая шоколадина, – пробормотала она по-русски.

– Что? – Ашер рассматривал дверцу шкафа, не сумевшую сохранить неприкосновенными его книжные сокровища.

– Не очень-то и хотелось. – Она протянула ему книгу: – И вообще, я, кажется, уже где-то это читала. Или видела фильм.

– «Метаморфозы»? Где же ты могла читать Овидия? – Ада уже научилась различать оттенки его настроения по интонации. Ашер никогда не улыбался. Веселье обычно проявлялось в нем глухим раздражением. – Может, тебе не составит труда перевести? – Он с язвительным полупоклоном подал ей раскрытую книгу.

«Вот гад! Ну, держись!»

Ада переводила с листа, пока не охрипла. Ашер стоял над ней в оцепенении, а она не смела прервать декламацию, пока он не остановит.

– Ладно, допустим, – сказал он так, как будто спорил с невидимкой. – А эту... – достал он с нижней полки другую книгу, стряхнул с нее остатки стекла, раскрыл, подал Аде.

Незнакомые значки-червячки. «Жаль, не прочесть, – искренне огорчилась она. – Как было бы здорово стереть с лица Ашера его самодовольную гримасу». Чувствуя важность момента, Ада тянула время, скользила взглядом по строчкам, будто вчитывалась и разбирала слова. Ашер ждал. И Ада ждала чуда: может быть, вот-вот зазвонит телефон в гостиной, и Лючия позовет Ашера, или придет кто-нибудь из его подчиненных, тогда он прикажет Аде выйти из кабинета. Но вместо этого за «червячками» начал вырисовываться смысл. Ада неуверенно, с середины страницы, с неполной фразы, начала переводить по словам.

Ашер не дослушал, рванул книгу из ее рук, захлопнул – и по неосторожности оторвал кожаный хлястик застежки. А смотрел на Аду так, будто она повинна в миллионе грехов и даже в оторванном хлястике: «И древнегреческий...» – словно оповестил он кого-то невидимого.

Ашер закрыл глаза и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Аде послышался в глубине его вдоха стон. Из внутреннего кармана пиджака Гильяно достал потрепанную книжицу в зеленом переплете:

– Читай! – И сунул ей в руки.

На ощупь Ада определила материал – сафьян, только очень старый, протершийся до дыр.

Это была не книга, а записная книжка с тонкими, хрупкими страницами, испещренными непонятными знаками. Палочки и стрелки ершились во все стороны. Воодушевленная успехом чтения греческого текста, Ада всматривалась в начертанные символы и ждала, когда магия

проявит себя вновь. Но знаки молчали, не желали выдавать тайну. Ашер даже присел на корточки, чтобы ему удобнее было следить за ее лицом.

– Не могу прочесть. – Она протянула ему книжку, но он ладонью вернул ее обратно.

Ада осторожно перелистнула несколько страничек. Может, ей сложно их понять оттого, что текст на оборотной стороне просвечивает сквозь текст на лицевой... И начертание знаков различается, будто писал не один человек. Как Ашер разбирается в этой абракадабре? И тут сердце ее стукнуло, в глаза бросилось слово, которое она знала, точно знала... Ада не могла произнести его... Смысл лишь скользнул по поверхности сознания, разум закрылся, словно защищая себя, а книга выскользнула из рук. Ашер подхватил ее и с тревогой спросил:

– Что-то знакомое?

Морщинка прорезалась над левой бровью, вид у Ады был потерянный, даже несчастный:

– Нет... Мне показалось. Нет, я кое-что вспомнила. Или показалось, что вспомнила. Нехорошее. Значки... они похожи на рыбы кости... или... на следы когтей демонов. Пустяки, – натянута рассмеялась она, растирая ладонями внезапно побледневшие щеки. – А что это за язык?

– Эмегир. Благородный язык. Историки называют его шумерским, – пояснил Ашер и спрятал книжку.

– Ты ведь рассказывал, что у тебя шумерские корни, правда, я помню только про опиум, – хихикнула Ада, чтобы разрядить обстановку, в то время как Ашер оставался серьезным. – Можно было догадаться, что ты подсунешь мне книжку на языке твоих предков.

– Но ты не догадалась. – И непонятно, чего больше было в его словах, злости или сожаления.

Ночью Ада проснулась от запаха крови. Гнилой, тяжелый воздух плыл по комнате и пологом сгущался над кроватью. Она села, прижав одеяло к груди.

– Аш! – крикнула она, испугавшись собственного голоса, хриплого со сна, а оттого чужого.

Тихо. Никто не шевелится во мраке, не спешит к ней, разрезая темноту крыльями и когтями. Галлюцинация рассеивалась, запах гнили отступал. И Ада поняла: ей просто приснился страшный сон, и в этом сне звучало слово, которое она прочла среди значков в записной книжке Ашера. Это было слово «лилу». «Лилу, лилу...» – повторяла она шепотом на все лады, но понять, что оно означает, не могла. В памяти всплыли строчки, напоминающие отрывок стихотворения или чье-то пророчество:

Если у смертной женщины
родится лилу – случится беда,
Дом Гильяно будет разрушен.

Глава 2. Лилу

Зеленые, тонушие в сумерках холмы Флоренции, терпкий аромат взметнувшихся к небу кипарисов, каменная чаша города, из которой пьешь солнце и никак не можешь утолить жажду. Жажду промерзшего на холодных улицах и площадях человека, рожденного в зимнюю ночь.

Юлия Сакович глубоко вдохнула вечерний пряный воздух и деликатно постучала в дверь виллы, увитой плющом. Уже через пять минут безответных робких попыток добиться внимания хозяев она со всей силы колотила в дверь ботинком на толстой подошве. Безрезультатно.

Сначала Юлия топталась у железной ограды, не смея тронуть калитку. Но кнопка электрического звонка рядом с надписью Villa (вот так: без названия, без фамилии владельца) была вдавлена внутрь чьей-то грубой рукой. Через прутья решетки было видно, что тяжелое кольцо на двери, предназначенное для оповещения жильцов о внезапных гостях, вырвано с мясом и валяется на ступеньках. От калитки к двери вела узкая, посыпанная белым гравием дорожка. Юлия осторожно толкнула калитку, та скрипнула и поддалась.

Юлия Сакович была журналисткой от Бога. Это ведь он наделил ее плоской фигурой, вытянутым лицом, длинным носом, волосами, которые не отрасли ниже плеч, а если все же таки умудрялись (Юлия, бывало, из-за работы пропускала стрижку), выглядели как спутанная лошадиная грива. Яркая помада, крупные серьги-кольца, страсть к жареным фактам, неудобоваримым сплетням – вот та, которую увидел доктор Хински, когда слегка приоткрыл дверь.

– С кем имею честь? – Мужчина разговаривал через натянувшуюся цепочку.

– Доктор Роберт Хински?

– С кем имею честь? – требовательно повторил Хински.

– Юлия Сакович, журналист, – представилась она, проталкивая в щель визитную карточку. – Поберегите пальцы! – Кусочек картона так и упал, никому не нужный. – Независимое расследование.

– Не интересуется, – прогнусавил Хински с намерением закрыть дверь.

– Доктор Хински, я собираю материал о Флорентийском монстре. Думаю, вы можете мне помочь...

– Не знаю, не привлекался, – пробормотал Хински, еще настойчивее пытаясь закрыть дверь.

Но Юлию Сакович не так-то просто было прогнать с порога.

– У меня есть сведения о вашей причастности к ордену Красной Розы. Знаете ли, древний орден дьяволопоклонников...

– Что за чепуха! – разъярился доктор, однако дверь замерла. – Подождите. – Он приоткрыл дверь, чтобы снять цепочку с крючка. На пороге вырос ярко подсвеченный сзади силуэт толстяка, он качнулся на цыпочках и окунулся лицом в сгущавшийся, как малиновый сироп, флорентийский вечер и тут же перекатился на пятки, свет упал на мясистый нос, блеснули булавочные глазки. – Журналист, говорите?

– Да, моя визитка упорхнула...

– Входите. Что-то вы поздновато...

– Простите. Пробовала дозвониться по телефону, но у вас никто не отвечал. Я решила, что зайду лично, нанесу визит. Не помешала?

– Нет, что вы, я полуночник, раньше двух ночи не ложусь, иногда сижу за работой до утра... Я к тому, что о Флорентийском монстре столько уже всего написано...

– Знаю, но полиция продолжает расследование, всплывают новые факты. И ведь Флорентийский монстр до сих пор не пойман.

– Факты? Скорее, домыслы... Проходите, проходите.

Громкое дело Флорентийского монстра – убийцы, который орудовал в окрестностях Флоренции, расстреливая своих жертв и вырезая у них внутренности с 1974 по 1985 год, никак не могли закрыть. Семь влюбленных пар в цветущих холмах, то есть четырнадцать жертв! И хоть по делу постоянно допрашивали и арестовывали подозреваемых, монстр все еще был на свободе. Каждого приговоренного по этому чудовищному делу со временем оправдывали и отпускали.

Казалось, все усилия, потраченные на поимку преступника, напрасны. И вот уже – то ли от бессилия, то ли от тосканского солнечного удара – полиция обратилась к оккультизму, спиритам, прорицательницам. На кладбищах завывали медиумы в экстазе духовидения. В результате в убийствах обвинили таинственный орден Красной Розы и «выкормышей» этого общества – демонов, которых сатанисты приманивали кровью и органами, вырезанными у жертв. Кровавые черные мессы якобы проводились на одной из флорентийских вилл.

Хински провел Юлию через внутренний двор. Дом был сконструирован не как типичная тосканская вилла – пологое строение с гостеприимными, широко распахнутыми объятиями светлых комнат, а скорее как жилище средневекового флорентийца – с мощной каменной лестницей, высокими галереями и комнатами-норами где-то там, наверху. Юлия запрокинула голову – сквозь застекленные ромбы потолка на нее смотрели одинокие первые звезды.

В гостевом домике виллы тоже пахло чертовщиной, возможно, потому, что здесь давно никто не убирал. Захламленная гостиная. Свалка одежды на диване. Одна спортивная туфля посреди комнаты. Коробки из-под пиццы. Картонки от фастфуда. Пустые бутылки. Хински убрал стопку газет и журналов, освобождая кресло гостье, ухнул их на пол – поднялся столб пыли. Юлия закашлялась.

– Домработница давно не приходила: то ли уволилась, а я запамятовал, то ли монстр ее настиг, – сообщил доктор журналистке и мерзко захихикал. – Садитесь, располагайтесь, – предложил он широким жестом. – Кофе вам не сварю, а в Италии ведь как, сами знаете, если вам не предложили в гостях эспрессо, то попросту нахамили, но кофеин не употребляю. Впрочем, в холодильнике есть пара бутылок пива.

– Отлично, – кивнула Сакович, а сама подумала, осматриваясь: «Еще не хватало из его чашек пить, а пиво в бутылке – гигиенично».

Доктор Хински и сам был похож на Ганнибала Лектера. Мокрогубый, ушастый. Он скалил зубы и подергивал носом, будто принюхивался. Пухлый мячик на резинке, он вышел из гостиной подпрыгивающей походкой. Юлия огляделась.

Когда-то гостевой домик виллы считался одной из достопримечательностей округа, теперь же он был загажен до омерзения. Фреска XVIII века на стене зачем-то заклеена пожелтевшей газетной бумагой. В углу проросла плесень. Роспись на потолке засижена мухами. Антикварная мебель ободрана. Шелковая обивка дивана в спороде, из рваной раны торчит клочок волос, хорошо, если не человеческих. Прелый дух огрызков мешается с гнилью грязных носков, и вся эта ароматная прелесть носится в воздухе.

– Ну-с... – Хозяин вернулся с парой пивных бутылок, одну протянул гостье, затем плюхнулся на диван, а одежду скомкал и затолкал себе под спину, вроде диванной подушки. – Что вы там напридумывали? Выкладывайте. Сказку на ночь не заказывал, но раз сама в руки идет...

– Дело о Флорентийском монстре, как вам известно, не совсем обычное...

– Мне ничего не известно, – лениво отмахнулся Хински и пролил пиво на затоптанный ковер, но, кажется, даже не заметил этого. – Я, знаете ли, за новостями не слежу и криминалом не увлекаюсь.

– Но вы наверняка слышали, что в расследовании дела принимала участие женщина-медиум.

– Эт да! Это слышал, – кивком подтвердил Хински.

– Медиум сообщила, что убийства монстра связаны с орденом Красной Розы. Они носили ритуальный характер, а органы, которые убийца вырезал у жертв, использовали в черных мессах.

Хински поперхнулся пивом и захохотал так, что подвески на люстре заплясали и с них тоже полетела пыль:

– Удивительно, чему верит итальянская полиция! Видимо, мрачное Средневековье в самом разгаре. Давайте сожжем еретика на костре! И поужинаем его сочным, прожаренным мясом. Не отсюда ли родом знаменитые флорентийские стейки?

– В трансе медиум говорила об иностранном профессоре, который живет на вилле в окрестностях Флоренции и, выполняя заказ от ордена, вызвал в наш мир демона.

– А программу телепередач на следующую неделю она вам не зачитывала? – веселился Хински. – Или, может, «прозревала» меню ближайшего ресторанчика? И кто же этот таинственный профессор Икс?

– Судя по всему, вы, доктор Хински.

– Я? Помилуй Господь и все архангелы Его! И что значит «судя по всему»? Судя по чему?

– Живете на вилле. Вы иностранец. Обвинялись в нарушении врачебной этики.

– Этики-поэтики, – бормотнул Хински. – Ну-ну, жгите, девушка, да не переусердствуйте. – Я вам не чернокнижник какой-нибудь, я ученый, и открытия мои признаны мировым сообществом.

– Опыты ставили на людях, – в тон доктору подкинула Сакович факт из его досье.

Хински позеленел:

– А что же мне их – на тараканах ставить? Вы, уважаемая, считаете себя неотличимой от таракана? Я вот даже невооруженным глазом вижу несколько крупных отличий и пару несущественных. – Хински вдруг всем телом дернулся, подался к Сакович, да так, что та вжалась в спинку кресла. – Кто-нибудь пострадал? Скажите мне, кто-нибудь умер из-за моих экспериментов?

Сакович перевела дух. Ее предупреждали, что доктор Хински эксцентричен, может быть, даже безумен. Разговор с ним надо вести спокойно, признавать его заслуги как ученого, но безо всякой лестии:

– Нет, никто не умер, только вот в чем беда: ваши пациенты не знали, что на них испытывают новое лекарство, согласия своего не давали.

– А где бы они были, не окажи я им такую милость: не возьми я их в свой эксперимент?

– Не знаю. Никто не знает, что с ними было бы. – Сакович старалась говорить примирительным тоном, но Хински не желал примиряться с неудобной действительностью:

– Никто? Да каждая собака знает! – нервно подпрыгнул доктор, и в разодранном диване что-то жалобно пискнуло. – В могиле лежали бы эти гаврики. И официальная медицина уж тогда-то точно была бы бессильна. Я им вторую жизнь подарил, и даже Пентагон согласен, что их здоровье – полностью моя заслуга, а не какая-нибудь липовая случайность.

– А как же ваше увлечение оккультизмом и черной магией?

Хински неожиданно развеселился, будто не кипел только что от гнева, как чайник. Шутливо погрозил Юлии грязным скрюченным пальцем:

– Все знаете, пронырливая вы бестия! – и мечтательно закатил глаза. – Увлечение – сильно сказано, интересовался немного. Думал, а вдруг мы что пропустили, а некроманты прошлого, наоборот, мимо не прошли? Да и занятно их свитки, рукописи почитать. Много хохм откопал, иногда, когда бессонница мучает, начну вспоминать и от смеха весь трясусь, как желе на тарелке. – И он расхохотался, а его живот действительно заколыхался, как желеванная масса. – Но верить в то, что человек науки всерьез займется черной магией? Полноте, Юлия, а то ведь меня от смеха разорвет, с итальянской полицией проблем не оберетесь, уж они вас с радостью в ведьмы запишут. Как запоете, когда на костре окажетесь?

– Значит, вы не вызывали демонов?

– Как же мне их вызывать? – продолжал веселиться Хински. – У меня ни магических книг, ни артефактов нет. Крови девственницы тоже в наличии не наблюдается. Вы девственница, Юлия? Ну вот, так я и думал. Опять не повезло. – Хински поддернул брючину и почесал серую от грязи лодыжку. – Вы мистик, Юлия. Но меня голым мистицизмом не возьмешь, у меня ум все-таки научного, я бы даже сказал, естественно-научного склада: мне нужны факты, экспериментальные данные, которые, безусловно, можно проверить. Посему говорить мне с вами не о чем, – торжественно заключил Хински.

Сакович предприняла последнюю попытку:

– А над чем вы сейчас работаете?

– Не без подтекста спрашиваете, не без подтекста, – булькнул смехом Хински в последний раз и стал серьезен: – Я работаю над пределом человеческих возможностей в измененных состояниях сознания. Пока теоретически. Собираю материал, копаюсь в литературе. – Он обвел взглядом комнату. – Видите, как запаршивел? Все от теоретической работы. Она требует уединения, погружения. Ну а после сверну на проторенную дорогу фармацевтики, изобрету еще один вид таблеток, которые помогают не спать, не есть, а бежать и уничтожать. Авторские права у меня отнимут, препарат засекретят, поставят на службу армии. – Он вздохнул. – Как видите, мне не требуется быть медиумом, чтобы знать свое будущее.

– А может, вы уже таблетки изобрели и теперь испытываете их на неповинных людях? Например, держите подопытных в подвале?

– Да, и крысиным ядом травлю младенцев, – задумчиво протянул Хински. – Это ведь вам не алхимическая лаборатория в средневековой Праге. Иногда мне жаль, что прошли те золотые времена. Сейчас, моя дорогая, все сложнее. Чтобы перейти от теории к практике, нужно кому-нибудь запродаваться с потрохами. Реактивы в супермаркетах не продаются. За ними строжайший контроль. Каждый миллиграмм активного вещества на учете. Да-с. Без оборудованной лаборатории с электронным микроскопом – вошь ты помойная, а не ученый. Без дотаций и средств... тьфу... – плюнул на пол и растер ногой.

– Ну вот же медиум и говорит, что задание вы получили от члена ордена Красной Розы, а это очень богатый орден, – ввернула Сакович.

– Да нет такого ордена! – пристукнул кулаком по пыльной обивке Хински. – Что вы мне все талдычите о красных розах? Влюбились в меня, что ли? Я вам о деле, а вы «розы, розы», – передразнил он. – Говорю же, как тяжело живет человеку современной науки, настоящему художнику... Но нет, про это вы писать, разумеется, не хотите. Вам подавай тайный орден, ритуальные убийства, омовения в человеческой крови, черные алтари, кровавые мессы! Демонов! Да вы больны, уважаемая! Вы одержимы своей идеей и не хотите правды различать! А знаете, где одержимым место? Знаете? – Хински вскочил, он кричал, размахивал руками и с каждым воплем все ближе и ближе подскакивал к журналистке: – Знаете?

«Вас бы туда, доктор, как главного одержимца», – подумала Сакович, стирая рукой брызги докторской слюны с лица.

– Жаль, что расстроила вас. Но я всего лишь проверяю версию.

– Версию-перверсию, – кривлялся Хински. – Катитесь-ка вон, уважаемая! Душу вы мне изгадили своими выдумками.

И, только выставив незваную гостью за порог, он чуть успокоился, хотя еще долго дергал занавески в разных комнатах, проверяя, не бродит ли Сакович вокруг дома. «Прознала, гадина, – сокрушался Хински. – И как эти писаки умудряются все вынюхивать своими длинными носами?» Ведь в гостевом домике флорентийской виллы доктор Хински засел вовсе не случайно, он ждал появления здесь лилу – демона в человеческом обличье, встречу с которым пообещал ему Ашер Гильяно.

* * *

Адвокат Антонио арад Аменти был раздражен – в нем все клокотало, как в кипящем котле, однако внешне абсолютно спокоен, что считалось частью профессионального облика. Его подняли с постели, и ладно бы просто разбудили, так ведь оторвали от женщины, роскошной аргентинки Малены, танцовщицы сальсы, гибкой как масличная ветвь.

Антонио Аменти, молодой мужчина лет тридцати пяти с запавшими щеками, серыми невыразительными глазами, был адвокатом Дома Гильяно и подчинялся дону, главе семьи. Телефонный звонок от посланника дона исключал неповиновение – да что там... он исключал даже малейшее промедление. Звонок означал одно: вставай, одевайся и отправляйся исполнять свой адвокатский долг, лети в другую страну, на другой континент.

– Тони, куда ты? Вернись в постель! – обиженно заголосила подруга.

Но Антонио уже разыскивал в шкафу чистую рубашку.

– Прости, малышка. – Он наклонился, чтобы поцеловать ее на прощание. Но девушка не далась, отодвинулась:

– Поцелуешь, когда вернешься, – настаивала она.

Глядя в ее беспокойные, бархатные как ночь глаза, Антонио не мог оставить Малене ложную надежду:

– Вряд ли я вернусь.

Ведь когда тебя зовет дон Гильяно, ты уже не можешь распоряжаться собой, ты подчиняешься его воле. Ты спешишь туда, где тебе приказано быть. Но Антонио не мог объяснять, не хотел оправдываться перед женщиной, он хотел лишь поцеловать Малену, чтобы осталось нежное воспоминание о ней, об этой ночи и о Буэнос-Айресе, но она отталкивала его, крутила головой, и поцелуй пришелся в ухо.

Возвращаться в Италию, во Флоренцию, было тяжело. Этот город был для Антонио родным до последнего камня мостовой, воспоминания тесно переплетались с дружбой, а в своей жизни другом Антонио называл только одного человека, Ашера Гильяно. Вместе они столько пережили, что на сотню жизней бы хватило. Ашер защищал Антонио в Доме Гильяно, а когда по обычаю Братства Аменти Тони должен был отправиться в паломничество по святым местам, Ашер поехал с ним, нарушив одну из древних традиций рода Гильяно.

Но думать об Ашере было нельзя, Антонио ждала работа, и мысли о друге могли повлиять на его беспристрастность. Долг адвоката – защищать клиента, будь тот насильником, убийцей или вором. Его долг убедить суд в невиновности даже самого отпетого негодяя.

Он сам доставлял Ашеру на виллу фотографии мальчишки из лечебницы, правда черно-белые, на них трудно было что-либо разглядеть, хотя Гильяно было достаточно и этих снимков. Ашер знал лилу, он жил с ними в одном доме, Антонио же никогда не доводилось видеть таких, как Ян Каминский.

Антонио родился в то время, когда на деятельность Братства уже был наложен запрет. Он был одним из последних детей Аменти. Старший брат, воспитатель, надел ему на шею амулет, вырезанный из камня, анкх с каплей крови лилу внутри. Антонио учили по старым учебникам, Аменти торопились передать последнему поколению знания и ритуалы, предвидя гибель Братства.

На первый взгляд грозный лилу был самым обычным юношей. Тощим, нескладным. Мальчишка сидел, низко опустив голову. Антонио видел лишь слипшиеся от крови волосы у него на макушке. Ян закрывал лицо руками, голос его звучал глухо:

– Кажется, я убил человека. И не того, о ком говорят, а кого-то другого... Но я очень плохо помню... Почти ничего не помню.

– Ты никого не убивал, – тут же отмел его подозрения Антонио. Ему было важно, чтобы мальчишка верил в свою невиновность и не начал обличать себя перед честным народом или, что намного хуже, перед судом. – Как ты оказался на вилле?

– Не знаю. – Он потер лоб. – Это было так, будто я перенесся туда. Сделал шаг – и оказался на лужайке перед домом. Не понимаю, как я добрался, ведь из Непала в Италию долгий путь. Я совсем не помню дороги. Неужели у меня снова начались припадки?

– Что ты помнишь?

– Нож... – Плечи мальчика вздрогнули, ногти впились в щеки.

«Конечно, нужно было как-то перерезать горло жертве...» – чуть ли не раздраженно подумал Антонио, а вслух мягко отметил:

– Орудие убийства на месте преступления не нашли.

«Ведь ритуальный нож прочно связан с владельцем, не каждый смертный способен его увидеть».

Мальчишка удовлетворенно кивнул, будто отвечал на беззвучную тираду Антонио. И адвокат с запозданием вспомнил, что лилу может читать мысли.

Ян Каминский был непреклонен:

– Там был нож... Непальский кхукри. Похожими ножами, только большими, отрубают головы жертвенным животным. На празднике Дурга Пуджа в честь богини Дурги, Божественной матери, победительницы демонов, забивают буйволы. – И тихо добавил: – Настоящие мастера отсекают голову зверя с одного удара.

И тут он поднял голову. Антонио даже зажмурился от неожиданности. Глаза мальчика сияли, как синие огни семафора:

– Я говорю правду, почему вы не верите мне?

Антонио заслонил лицо рукой, вглядываясь в своего клиента. Яркий синий свет исходил из его глазниц, заслонял собой и зрачок, и радужку, и белок глаза. Свет то разгорался, то затухал. Антонио даже чувствовал тепло, излучаемое глазами мальчишки. Было очевидно, что при желании Ян мог поджечь взглядом бумаги, лежавшие перед адвокатом. Компьютерная графика, глаза робота-монстра... Все что угодно приходило на ум, кроме того, что это – обычные глаза обычного человека. И все-таки Ян дожил до шестнадцати лет, и все считали его человеком, его лечили согласно человеческим понятиям о болезни и здравии и сейчас собирались судить по человеческим законам. Антонио Аменти прибыл для того, чтобы не дать довести дело до суда, а если все же это случится, не допустить обвинительного приговора. Мальчишка должен быть оправдан, хотя лично у Антонио не было сомнений в том, что Каминский совершил убийство.

Антонио старался делать вид, будто ничто его не тревожит, но непроизвольно шурился от яркого света. Он заговорил примирительным тоном:

– Я верю тебе. Ты помнишь нож. Но, согласишься, трудно утверждать, что ты видел его именно в ночь убийства, ты же сам говоришь, что похожие встречались тебе на религиозном празднике в Непале. Ты мог перепутать. Ты ведь не совсем здоров. Что-нибудь еще?

Мальчишка напрягся. Вспоминание давалось тяжело, на висках пульсировали жилки, а в глазах пылало море синего огня. Антонио малодушно ощупал карман пиджака, на месте ли его солнцезащитные очки, но, даже рискуя ослепнуть, он бы их не надел, общаясь с клиентом.

– Девушку... – выдавил Ян, – я помню девушку.

– Какую девушку? – с тревогой переспросил Антонио. Никакой девушки на вилле быть не могло. С последней любовницей Ашер расстался больше полугода назад, Антонио навещал его несколько раз и, кроме Ашера и доктора Хински, никого на вилле не застал.

– Она... она... – Ян силился подобрать слова. – У нее длинные светлые волосы, она... удивлена, расстроена, она плачет, она боится, но не смеет уйти от опасности. Даже наоборот, она ищет, с кем бы помериться силой. Она и сильная, и слабая... И я не знаю, что я говорю... –

Он опустил голову – и вновь обхватил ее руками. – У меня очень сильно болит голова, – признался он.

«Лилу, которого мучает мигрень. – Антонио даже позволил себе слегка улыбнуться. – Это так... по-человечески, что ли. Неудивительно, что ему мерещатся девушки. Лилу всегда славились своей влюбчивостью и вождели земных женщин».

– Это все? – спросил он сухо, по-деловому. Время, отведенное ему на общение с клиентом, подходило к концу.

– Еще... Бронзовый дворец...

– Бронзовый дворец?

– Ты в Бронзовом дворце, – отчетливо проговорил Каминский. – Его держат тысяча шестьсот колонн. В нем тысяча комнат. И все они пусты. Они пусты уже тысячу лет. Но для тебя они полны до краев...

У Антонио язык присох к небу, Ян Каминский не мог произнести эти слова, он не знал их, он ничего не должен был знать о Бронзовом дворце. Зато эти слова наизусть знал Ашер Гильяно, их знал и Антонио Аменти, и все мальчики и девочки, которые росли в Доме Гильяно и слушали сказки в Мемориальной гостиной. Мальчишка на какую-то секунду показался ему похожим на Ашера. Словно тут, в бетонной комнате, появился призрак той жестокой, негнбаемой части души Гильяно, что делала его беспощадным убийцей и нагоняла страх на врагов.

Но нельзя показывать лилу, что ты боишься его, лилу чувствуют страх, а страх будит в них жажду крови. Этот лилу уже вошел в возраст, чтобы убивать. Он уже убил и, как знать, может, уже попробовал кровь на вкус, и он не остановится.

– В общем, запомни одно: ты никого не убивал. Ты лишь свидетель, ты не убийца.

– Откуда вы знаете?

– Я твой адвокат. Все, что говорю, ты выполняешь беспрекословно. И если я утверждаю, что в этой истории ты – лишь свидетель, который потерял память в результате шока от кровавого зрелища, ты мне веришь. Понятно?

– Да, синьор Аменти.

– И на следственном эксперименте ты при виде крови будешь пищать и падать в обморок, как девчонка, только потому, что я так велю. Понятно?

– Да, синьор Аменти.

– Отлично, Ян. Ты ничего не помнишь. И ты невиновен. Остальное – мое дело.

– Но почему вы защищаете меня, синьор?

«Опомнися!»

Антонио включил все свое обаяние и проникновенным тоном, которым он обычно обращался к женщинам и детям, объяснил:

– Потому что верю в твою невиновность. А еще есть отличная причина – это дело громкое. Греметь будет на весь мир, еще и эхо пойдет. Тебя ведь Флорентийским монстром считают или его последователем, за юностью лет. Может, даже сыном монстра. Уверен, газеты и об этом напишут. Лично я бы столь пикантный пассаж не пропустил. Участвовать в таком деле – отличная реклама для меня. Я становлюсь высокооплачиваемым адвокатом, а ты получаешь свободу – разве это не равноценная сделка?

Ян недоверчиво на него посмотрел. И Антонио мысленно обругал себя дураком, он совсем забыл, что лилу чувствительны ко лжи, как чувствительны к ней и все Гильяно. Но время, отведенное на общение с адвокатом, закончилось, и подошел охранник, чтобы отвести Каминского в камеру.

* * *

В маленьком баре «Ирис» Антонио кулем свалился на плюшевый диванчик у стола в углу, уронил голову на согнутые руки. Он бы и лбом об стол бился, да вокруг слишком много знакомых, его во Флоренции каждая собака знает. Владелец бара, Джузеппе Сальвани, огорченно поцокал языком, видя страдания синьора Аменти, вышел из-за стойки, утешительно похлопал Антонио по плечу и принес ему чашку кофе и бутылку кьянти.

Антонио только что отбился от журналистов, которые насели на него, стоило ему выйти из полицейского управления, особенно неистовствовала дамочка с крупными сережками-кольцами в ушах, которые цеплялись за одежду и волосы всех тех, через кого женщина упорно лезла вперед, чтобы добраться до Антонио. Ее «крестовый поход» за информацией сопровождался криками и ругательствами толпы.

– Скажите, ваш клиент – монстр? Демон? – энергично выкрикивала она вопросы. – Он принадлежит к ордену сатанистов? Ордену Красной Розы? Почему у жертвы вырезано сердце? Ваш мальчишка – мясник? Маньяк?

Выпитый залпом кофе и полбутылки вина привели Антонио в чувство, он достал из портфеля папку с делом Яна. Полистал. Сложностей никаких. В деле пропасть нарушений, начиная от сбора данных, ведения допроса, заканчивая невразумительными уликами и таинственным исчезновением орудия убийства: то нож кто-то видел, то потом он вдруг куда-то пропал. И ведь нет мотива. Ян впервые видел этого Роберта Хински, убийство которого на него вешают. Возможно, Ян маньяк. Но это покажет только психиатрическая экспертиза. Первичное заключение психиатра составлено крайне небрежно... И пусть в анамнезе подозреваемого пышно цветет диагноз – шизофрения, рядить всех, подобных ему несчастных, в одеяния патологических убийц мы не позволим, мы за гуманное общество.

Антонио Аменти за свою многолетнюю адвокатскую карьеру не проиграл ни одного дела. И конечно, он не нуждался в рекламе, просто нужно было что-то сказать, чтобы успокоить Яна. Все дела, которые он вел, поручались ему Домом Гильяно, у него не было частной адвокатской практики. Но о Доме Гильяно он не мог и словом обмолвиться при Яне.

В отличие от Яна, Антонио знал доктора Хински. Отщепенец от науки. Подверженный приступам то гениальности, то псевдонаучного бреда. Одно время страстно работал на американскую «оборонку», но его исследования не дали нужных результатов (или наоборот, результаты превзошли самые смелые ожидания), с ним расторгли контракт, правда, запретили выезд из страны. Но доктор Хински был так возмущен, так взбешен, что его не оценили по достоинству (или оценили слишком высоко), бежал из Штатов и просил политического убежища сначала в Швейцарии, потом в России. Всюду его аккуратно «завернули», никто не хотел международного скандала. Из США поступили сведения, что он сумасшедший и сбежал из больницы, тогда доктор Хински ушел в глубокое подполье, и несколько лет о нем ничего не слышали. А он тем временем ударился в оккультизм, каббалистику и алхимию. Начал поиски эликсира молодости, кольца всевластия, кинжала судьбы и тому подобных мифических артефактов. Ну а кто ищет, того находят. И доктора Хински нашел Ашер Гильяно.

Пока главная проблема – глаза мальчишки. Надо позвонить знакомому окулисту, он что-нибудь придумает: конъюнктивит, светобоязнь, катаракту, ячмень наконец! Что угодно, чтобы завязать Яну глаза, а то ненароком подожжет взглядом стол судьбы, и что тогда делать? Мало того что убийца, еще и поджигатель.

Антонио прикрыл глаза буквально на секунду, чтобы собраться с мыслями. Мальчишка, суд... – не о том он думает. Вернее, о том, о чем приказал ему думать дон Гильяно, но не это сейчас главное. А главное то, что он лишился друга, единственного друга.

Нет на земле подобного ему;
Он сотворен бесстрашным;
На все высокое смотрит смело;
Он царь над всеми сынами гордости.¹

И как насмешка, искореженный труп на металлическом столе в комнате-холодильнике. Антонио едва опознал друга. Если этот мальчишка сотворил подобное с Ашером Гильяно, на что он еще способен? И даже страх не мог заглушить одиночество. У Антонио Аменти больше не осталось близких людей на свете. Теперь он один. Совсем один.

Смерть Ашера не предали огласке. Деньги Гильяно затыкали рты самым яростным крикунам. Зачем же семье понадобился громкий процесс над мальчишкой? Чтобы напугать его или всех вокруг? Антонио понимал, что планы Дома Гильяно – не его ума дело, но ему уже давно претило быть пешкой.

Антонио потерял виски, открыл глаза и увидел, что перед ним сидит человек в черной одежде – униформе Дома Гильяно. Сначала Антонио принял его за Посланника. Посланники Дома Гильяно – седьмой от центра круг посвящения. Ниже только Служители. Сам Антонио арад Аменти пребывал в пятом круге Защитников, или Псов, как называли их по старинке. Посланники Дома Гильяно носили старомодные пиджаки, скроенные как мундиры, но с одним рядом пуговиц.

– Надеюсь, ты принес приглашение в Дом Гильяно. Знаешь ли, я рассчитываю присутствовать на похоронах. – Пятый круг позволял ему говорить с Посланниками, или Воронами, свысока, но послушаться передаваемых ими приказов он не мог.

– Ты можешь надеяться сколько угодно, – последовал ответ. – У Дома Гильяно иные планы.

И по бесстрастному тону, и по тому, что ни одна мышца лица собеседника не дрогнула, даже не шевельнулись губы, а звук голоса пролился на голову Антонио, как из чаши, Аменти догадался, что перед ним Смотритель, настоящий Человек в Черном, переодетый в мундир Посланника.

Однажды Человек в Черном предрек молодому сапожнику славу великого мыслителя. И молодой человек ухитрился увидеть в оловянной миске все тайны Вселенной, истинную природу людей и ангелов, имя этого провидца – Якоб Бёме, немецкий христианский мистик, теософ. В другой раз Человек в Черном заказал Вольфгангу Амадею Моцарту реквием, который вскоре исполняли на похоронах самого композитора. Реквием поднимал сознание человека на следующую ступень, заставлял не просто задуматься о смерти, а созерцать величайшую метаморфозу жизни. Так что появление Смотрителя говорило о том, что в данном месте в данное время совершается нечто очень важное не только для Антонио Аменти, но и для Вселенной.

– Значит, на похороны меня не приглашают?

Смотритель покачал головой:

– Мы хороним того, кто получил отцовское проклятие, к чему церемонии? И разве ты не должен быть польщен новым заданием? Тебе доверили защищать Лилу, существо, подобных которому на Земле не рождалось уже более тысячи лет. Лилу, которому ничего не стоит испепелить человека взглядом или одним прикосновением. Лилу, для которого все земные расстояния равны одному шагу. Лилу, который рожден поворачивать вспять реки, срывать с неба звезды, как цветы, сталкивать планеты и создавать новые миры.

Но Антонио не тронула высокопарная речь Смотрителя, внезапное появление этого человека не сулило легких путей, оно говорило о скрытой опасности, подводных камнях, таящихся в пучине:

¹ Иов 41: 25–26.

– Зачем ты здесь? Дон сомневается в его природе? Стоит тебе увидеть мальчишку, у тебя пропадут всякие сомнения в том, что он лилу. Или в лилу скрыто то, что может увидеть только Смотритель?

Смотритель ответил, по-прежнему не пошевелив губами и не издав ни одного звука:

– Истинная цель моего визита не может быть раскрыта. Но я буду работать под твоим руководством, поэтому я в одежде Посланника. Сам понимаешь, Дом Гильяно придает большое значение соблюдению формальностей в иерархии.

Смотрители, или Орлы, принадлежали ко второму кругу от центра. И вряд ли в истории Дома случилось так, чтобы Смотритель работал под началом Защитника. Смотрители обладают особыми способностями: могут заглянуть в душу человека, увидеть его прошлое и будущее. Вот только у лилу нет человеческой души...

На следующее свидание с подозреваемым Антонио Аменти пришел со своим помощником. Смотритель сидел очень прямо и очень тихо, рассматривая лилу, который, казалось, не обращал на нового человека никакого внимания. Ян терпеливо и подробно отвечал на вопросы Антонио Аменти. Он мало что смог добавить к своему вчерашнему рассказу, вспомнил лишь о кольце с бриллиантом, которое отобрали у него полицейские. Откуда взялось кольцо, Ян не знал. На вопросы о детстве, о лечебницах, о монастыре мальчишка отвечал неохотно, едва-едва выцеживая сведения, приходилось выжимать их по капле, возводя до небес важность и необходимость этой информации для скорого и праведного суда.

– Ну? – победоносно обратился Антонио к Смотрителю, когда подозреваемого увели. – Что скажешь? Настоящий лилу?

Смотритель с расстановкой отвечал немного невпопад:

– Ни у кого до сих пор не возникло вопросов относительно его личности лишь потому, что лилу все время смотрит себе под ноги. Но в зале суда ему придется взглянуть в лицо людям. Я сделаю так, что никто не заметит всей силы его необычных глаз. Полностью затмить зрение публики я не сумею, но затуманить смогу.

– Спасибо за помощь, – едко улыбнулся Антонио. – Видимо, у тебя есть разрешение дона Гильяно на прямое воздействие извне.

– Не сомневайся.

– А что будет, когда мальчишку освободят? Ты сопроводишь его в Дом Гильяно? Или явится Ворон с приглашением для него?

– Лилу не нужно приглашение, чтобы войти в Дом Гильяно. Но ни я, ни ты не покажем ему дорогу. После того как лилу получит свободу, он будет волен идти в любую из четырех сторон или на все четыре стороны одновременно – ему и это под силу.

– Мы отпустим его?

– Разумеется. Он должен сам найти дорогу к Дому Гильяно. В его нынешнем состоянии это очень важно.

* * *

Юлия Сакович курила, раздраженно стряхивая пепел на стол. В гостиничном номере было душно, воняло сигаретным дымом и рыбными консервами, пустую банку из-под тунца она хотела было использовать как пепельницу, но по задумчивости промахнулась один раз, второй и решила – не судьба.

Ноутбук заглядывал в лицо мутным, захватанным пальцами прямоугольным глазом. Сакович не написала ни строчки. Она злилась на себя – надо же, быть в шаге от разгадки, говорить с доктором Хински и «не дожать» его. «Кто же знал, что он станет следующей жертвой?» – пел в голове тоненький голосок, который Юлия ненавидела. Этот голос всегда пытался оправдать ее в своих же глазах, тогда как сама-то Сакович знала – она идиотка и тупица, не

заслуживающая права называться журналисткой, если пропускает элементарные вещи, если у нее нет чутья...

«Ладно, к черту!» – разозлилась Юлия и решительно придвинула ноут. Ныть и ругать себя можно сколько угодно, этим положение не поправишь. Ее ждет взбучка от главного редактора, но хотя бы одну часть работы она сделает как следует.

Сакович промучилась час, набирая и снова стирая написанное. Закурила. Слова не шли. Из головы не выходил ловкий адвокатишка Аменти, который, точно фокусник, жонглировал в суде фактами, доставал, как яркие платки из рукава, новые сведения из многочисленных папок, и подсудимый на глазах публики становился похож не на кровавого убийцу, а на белого пушистого кролика, только-только высунувшего невинную мордочку из черной шляпы.

Конечно, мальчишка не может быть причастен к нераскрытым убийствам, которые происходят в окрестностях Флоренции с 1961 года. Если рассуждать здраво. Но итальянская полиция давно поняла, что здравый смысл не помогает расследовать дело, а лишь запутывает его и ведет по ложному следу. А вот если принять на веру тот факт, что парень – адепт тайной кровожадной секты, то вполне возможно наконец-то объяснить гражданам, что происходит. И юноша не из простых. Вот, к примеру, зачем он торчал в непальском монастыре? А на месте преступления Юлия сама видела полустертые круги и надписи, которые полицейские сами же и затерли, как только сфотографировали, чтобы избежать людской паники. Юлия была уверена, что и в остальных убийствах присутствовали элементы ритуала, тщательно скрытые следствием.

Убивал не один человек, убивала организация – это и требовалось написать в статье. Но в эту ночь Юлия не случайно тщательно проверила замок на двери, затворила и зашторила окна: ощущение злой силы, выпущенной на свободу, витало в пространстве. Ритуал был завершен, нечто, что призывали, проникло в мир. Что собой представляет это нечто, и что оно будет делать в мире? Какова его цель? Сакович невольно вспомнила цепочку убийств в Петербурге, чем-то похожих на убийство Роберта Хински, – тогда ей даже повезло поговорить с женой одного из потерпевших, которая видела убийцу, но то ли от шока, то ли еще по какой причине ничего не могла толком вспомнить.

Если бы пять лет назад Юлии Сакович сказали, что она всерьез будет писать о ритуальных убийствах, о Книгах Судеб, о зловещих масонских знаках, она бы расхохоталась предсказателю в лицо. Тогда Юлия Сакович бредила серьезной журналистикой: политика, экономика... Она хотела писать о том, что влияет на судьбы людей, о том, что действительно важно и жизненно необходимо. Но главный редактор, выслушав ее пламенное выступление о тайной расстановке сил на политической арене, прищурился и сказал:

– А вы неплохо видите скрытое, Юлия. Будете писать о мистике.

Первые дела, о которых ей поручали писать, она могла объяснить чем угодно: помешательством участников, стечением обстоятельств, злыми розыгрышами, стихийными бедствиями. Но иногда ее рациональные рассуждения давали трещину, простой логики и очевидных причин оказывалось недостаточно. Впрочем, никто не принуждал ее верить в то, что чудеса случаются. Достаточно было писать так, чтобы читатели дрожали от страха, чтобы казалось, будто перед ними раскрывается дверь в неведомое. Хотя, конечно, если эта дверь существовала, то одно время она оставалась плотно закрытой для рационалистки Юлии Сакович. Но после того, что случилось в Петербурге, Юлия начала иначе относиться к своей работе.

У геймера Виталия Сушкова было перерезано горло, в грудной клетке зияла дыра, а тело выгнулось назад так, что пятки упирались в щеки. Рот широко открыт, глаза в ужасе зажмурены. Конструкция покоилась на стеклянном круглом столе. Тело, стол и пол вокруг были покрыты тончайшим белым порошком с тонким приятным запахом. А по краю стола рука убийцы начертила непонятные знаки. Крови не было. Ни малейшего следа, ни капли. Будто могучая вселенская корова слизала ее гигантским шершавым языком. Таинственный порошок

при тщательном анализе оказался лепестками роз, особым способом высушенными и измельченными. Все это Юлия узнала от судмедэксперта, с которым дружила, а иногда и спала, когда возвращалась в город из командировок.

Но главной ее добычей стало интервью с женой погибшего, к ней Юлия пробралась, представившись антикризисным психологом, которого якобы послал к ней следователь. Журналисту без вранья не обойтись. Не многие потерпевшие захотят общаться с прессой, а вот с психологами, сотрудниками кризисных центров, социальными работниками – в общем, с теми, кто их пожалеет, поддержит, – пожалуйста.

У Сушкова остался двухлетний сын, который в момент убийства тоже находился в квартире.

– Вы просто расскажите мне то, что помните. Кто заходил в квартиру? – почти ласково начала Юлия, видя перед собой бледную, трясущуюся женщину.

– Никто не заходил. Виталик вышел в аптеку. А я осталась с Сеней. Он заболел, знаете ли. Обычно я отвожу его к маме, чтобы не мешать Виталику спать, а сама бегу на работу... Но сын заболел... – Лидия Сушкова, маленькая кудрявая женщина с припухшими от слез глазами, то разворачивала, то складывала по сгибам кухонное полотенце с огненным петухом. – Да вы проходите. В гостиную. Правда, там не прибрано. – И она обреченно махнула полотенцем.

Гостиная и была местом преступления. Юлия Сакович жадно огляделась по сторонам. Стекланный стол был задвинут в угол.

– Просила унести с глаз, но разве с ними договоришься. – Лидия показала на стол и перекинула полотенце через плечо. – Ой, у меня молоко на плите!

Оставшись одна, Юлия прошлась по комнате, рассматривая вещи, потрогала поверхность стола, выискивая хоть крупинку таинственного порошка, но, конечно, ничего не нашла. Эксперты вывели все дочиста.

– Мы пили кофе, – вдруг произнесла Лидия, появляясь в дверном проеме с алюминиевым ковшиком в руке.

– С кем вы пили кофе? С мужем?

– Виталик не любил кофе. Только чай, китайский зеленый чай.

«С убийцей?» – чуть было не сорвалось с губ.

– Вы пили кофе с тем, кто приходил? – уточнила Юлия.

– Нет, никто не приходил, – ответила Лидия. – Но мы пили кофе, – задумчиво повторила она. – И ему понравилось. – При этом она почему-то широко улыбнулась, будто и впрямь была страшно рада, что кому-то неведомому понравился ее кофе.

– Как же так?

– Не знаю.

– А вы сядьте. Успокойтесь. И вспомните все по порядку.

– Они вас прислали, чтобы я вспомнила? Они не верят мне? – заволновалась Лидия.

– Ну что вы. Конечно, вам верят. Просто от стресса люди забывают многие детали. Постарайтесь сконцентрироваться.

– Хорошо. Я только покормлю ребенка, – проговорила женщина, но никуда не ушла. – Мы хотели уехать к маме. Но они сказали, что мы должны пока оставаться здесь, потому что будут приходить и задавать вопросы. Зачем эта попытка? – Ее плечи недоуменно подскочили к ушам и безвольно опали, на этот раз она вышла.

Вернулась. Юлия раскрыла блокнот. Не пугать же несчастную диктофоном.

– Итак, вы были дома с сыном. Муж побегал в аптеку. Раздался звонок? В дверь? В домофон?

– Звонок... Кофе... А не хотите ли кофе?

«Ох уж мне эта стратегия избегания», – подумала Юлия, но кивнула:

– Отлично! Кофе!

Оказалось, что напиток некуда поставить, и Юлия приняла горячую чашку на колени, поверх блокнота. Лидия присела на край дивана, будто это она была гостьей.

– Вы ведь знаете, настаивать на том, что в квартире не было посторонних, глупо. Выходит, что вы сами убили мужа.

– Я не могла.

– Конечно, не могли. Но тогда здесь кто-то был. И поскольку нет следов взлома, этому человеку открыли дверь. Может, ваш муж вернулся не один?

– Не знаю. Он вернулся, отдал мне лекарство, мы немного поговорили, я пошла в детскую, а он – в гостиную. А потом я увидела это... – Она показала в угол, на стеклянный стол.

– Но вот вы сказали: «Мы пили кофе». С кем вы его пили?

Лидия вздрогнула:

– Кофе? Вам нравится?

Когда Юлия гналась за фактами, она не чувствовала ни вкуса, ни запаха. Сделала глоток из чашки:

– Да-да. Спасибо. Но вернемся в тот день. Постарайтесь вспомнить. Если позволите, я погружу вас в легкий транс. Это поможет вам расслабиться. Совершенно безопасно. Я дипломированный гипнотерапевт, – приврала она для верности. И уставилась на Лидию немигающим взглядом.

Лидия охотно повелась на обман – она сложила руки на коленях, тело ее обмякло, как подтаявшая горка мороженого:

– Звонок. Был звонок в дверь. В дверь позвонили, – начала она вещать замогильным голосом, будто на самом деле впала в транс. – Звонят в дверь. Нужно открыть. Вдруг это Виталик? Забыл ключи? Я иду к двери. Смотрю в глазок. На площадке никого нет. Никого нет. Пусто на площадке. Я открываю дверь. За дверью никого нет.

Казалось, говорит не живой человек, а механическая кукла последовательно выдает то, что записано у нее в искусственной памяти.

– Может, вам подсыпали что-нибудь в кофе?

– Кофе, – дернулась женщина. – Я не пила кофе. Я сварила ровно на одну чашку. – Она закрыла лицо руками. – Как темно в комнате. Как темно! Не понимаю, почему они не разрешили нам уехать. Ведь вопросы можно задавать где угодно. Прятаться я не собираюсь, а ключи от квартиры готова отдать. Ценностей здесь никаких. – И Лидия вдруг разрыдалась.

– Ну, слезами горю... – Тут Юлия вспомнила о своем амплу антикризисного психолога и резко сменила направление беседы: – Впрочем, мы редко даем выход своим эмоциям. Поплачьте, погорюйте. Смерть нужно пережить.

– Он ведь ничего нам не оставил! – всхлипнула женщина. – Кроме долгов. Или оставил? – Она подскочила, слезы дрожали на щеках, а глаза блестели. Она метнулась из гостиной. А вернулась с веером денежных купюр по пятьдесят, по сотне и по пятьсот евро – в целом без малого десять тысяч. – Откуда деньги? Откуда эти деньги? – истерично закричала она. И больше Юлия ничего от нее не добила.

А статья вышла сочная: про убийцу-невидимку, который оставляет женам своих жертв деньги в обмен на душу погибшего. «Отчего дьявол так дешево ценит наши души?» – призывала автор задуматься читателей. Хотя Юлия сомневалась, что к Сушковым заявился сам дьявол, слишком мелкими пташками они были.

Порошок из роз. И на месте убийства доктора Хински тоже цвели розы. Юлия большим пальцем прижала окурков к краю стола, вытерпев жало боли. Помогает не заснуть и держать ум на пике напряжения. Наши мысли ведь всего-навсего электрические импульсы, которым время от времени требуется встряска. А еще будут утверждать, что орден Красной Розы всплыл в расследовании случайно. Нет, провидица знает, о чем говорит.

И крови почти не было, даже на земле, лишь у мальчишки вся рубашка была пропитана ею, но, как выяснили эксперты, группа не совпадала с группой Роберта Хински. Адвокат Антонио Аменти тут же обратил внимание суда на этот факт, но, вместо того чтобы предположить, что мальчишка убил еще кого-то, представил дело так, будто малец вылил на себя по неосторожности содержимое склянок из лаборатории Хински, которая располагалась тут же на вилле, в гостевом домике. К несчастью, в лаборатории действительно находились образцы крови, но все пробирки были разбиты, содержимое их перемешалось...

Порошок из роз. Юлия тогда, как безумная, ухватилась за эту ниточку и тянула за нее, пока та не оборвалась. Сакович перебрала все продукты, в которых использовались розы, хоть капля розовой воды или розового масла. Она беседовала с балканским табачным магнатом, фабрика которого выпускала сигариллы с добавлением лепестков роз, с главным парфюмером французской марки «Герлен», использовавшим настоящую розовую эссенцию, а не ее искусственный заменитель в своих духах, с производителями косметики на основе розовой воды, даже с теми, кто варит варенье из роз, и тому подобными. И всюду Юлия тщательно вникала в процесс производства, чтобы понять, не входит ли в состав особым образом обработанный тончайший белый порошок из роз. Безрезультатно.

Беседуя с одним английским селекционером, Юлия Сакович услышала имя – Гильяно. «Самые прекрасные розы выращивают в поместье Гильяно, – сказал селекционер. – Правда, сам я не видел, – добавил он, – но счастливики рассказывали». Больше с ним не удалось поговорить, его нашли на следующий день в спальне захлебнувшегося собственной кровью. Несчастный случай – у бедняги внезапно пошла горлом кровь, и он не успел позвать на помощь.

Она захлопнула крышку ноутбука. Не пишется, хоть плачь. Но не лить же слезы... Лучше залить в себя что покрепче. На первом этаже есть бар – это Юлия отметила, когда заселялась в отель.

Она под села к стойке и первые две стопки текилы выпила, не отрывая взгляда от бармена. Темноволосый итальянец с глазами, полными влажного блеска. Перекинутое через плечо полотенце, к концу смены ставшее из белого серым. Ловкие руки, которые проворачивают десяток дел сразу: протирают бокалы, наливают выпивку, выставляют ее перед клиентом, подсчитывают деньги и жестикулируют, подкрепляя свои слова в разговоре. Достаточно ловкие руки, чтобы отвлечь ее от неудачи со статьей этой ночью. Но с третьей рюмкой она повернулась спиной к стойке и оглядела бар – может, есть еще кто-нибудь подходящий? И заметила в углу Антонио Аменти. Он корпел над бумагами, подливая в бокал вино из бутылки, и тут же выпивал его до дна большими глотками, как воду. Юлия хмыкнула – уж такую удачу она не упустит. Она заказала бутылку кьянти. Взяла бокал и направилась к столику Антонио.

– Привет! – Она плюхнулась на диванчик, и сережки-кольца подпрыгнули у нее в ушах.

Антонио поднял на нее глаза, истерзанные мелким шрифтом документов. Увидев, что перед ним женщина, он привычно улыбнулся и взял любезный тон:

– Мы знакомы?

– Возможно, вы меня не помните, хотя мне трудно в это поверить. Я журналист. Пишу о процессе над Яном Каминским. А вы его адвокат.

– А... припоминаю... вы разыскиваете адептов ордена Красной Розы. В каждом несчастном видите либо монстра, либо демона.

– Ну вот, оказывается, вы меня знаете. Юлия Сакович. – И она протянула руку через стол.

Он пожал ее:

– Антонио Аменти. – И прикрыл папку с документами от ее любопытных глаз. Юлия разлила вино по бокалам:

– Я наводила о вас справки, синьор Аменти...

– Тони.

– Тони... Ни одного проигранного дела. Прямо настоящий адвокат дьявола.

– Или простое везение, – возразил он. – Курите? – И достал из кармана коробочку с сигариллами. Тисненая золотая роза на крышке... – Те самые балканские, с добавлением лепестков роз. Он прикурил сигариллу и передал ее Юлии, она осторожно приняла ее из пальцев Антонио. Вдохнула душистый дым и, хоть не собиралась задавать главный вопрос так быстро, неожиданно даже для самой себя спросила:

– Знаете, где находится поместье Гильяно? – Потому что сама так и не смогла его найти.

«Она сказала „поместье“, а не „Дом“. Значит, ничего толком не знает о семье Гильяно», – оценил ситуацию Антонио, прищуриваясь сквозь дым, и покачал головой. Этот жест можно было расценить как «не знаю», «пока не скажу» или «что я получу, если скажу?». Юлия выбрала последний вариант.

В номере наверху она скакала на нем до изнеможения и, прежде чем рухнуть во взбитые, как сливки, простыни, пробормотала, вцепившись ногтями ему в грудь:

– Устроишь мне приглашение к Гильяно?

Антонио скривился от боли и промычал что-то нечленораздельное. Даже на пике блаженства он не мог бы пообещать ей то, что она просила. Но теперь он обязан был передать ее просьбу дону Гильяно.

Глава 3. Приемная бога

Марк Вайнер любил Петербург за каменную кожу и холодную душу. Но ему, астматику с детства, не подходил местный климат. Лишь неподалеку от курортного Зеленогорска, в усадьбе на краю соснового леса, он мог дышать свободно.

Лес подступал к дому с трех сторон. Собственно, дом сам был частью леса: сосновые ступени, отполированные перила, стены из долгих бревен, дощатые струганные полы. За панорамными окнами лениво колыхался Финский залив.

Каждое утро Марк гулял по пляжу: ступая с крыльца на песок, оказывался в ином мире, мире зыбкости, неуверенности, сыпучести. И, как песчаные замки оседают под дыханием волн, так и в нем сглаживались ночные видения, неприятные сны и кошмары, стоило ему пройтись по берегу.

Нервный молодой человек... Его успокаивал непобедимый ритм воды. Моря, океаны, заливы он ценил за постоянство. Всегда хотел жить на берегу и мог себе позволить жить там, где хочет. Детскую астму он перерос, до сих пор с ужасом вспоминал, как задышался от малейшего волнения, стихи в детском саду прочесть не мог, и в школе не выступал на всяких там мероприятиях, да что там – даже ответ у доски выводил его из зыбкого душевного равновесия. Иногда приступ накатывал, как волна, без видимой причины. Но одиночные приступы врачи за болезнь не считали: «Нервы лечите, молодой человек. Лечите нервы», – говорили ему доктора. Он лечил нервы, устраивал свою жизнь так, чтобы не было ни малейшего неудобства, ни одного повода для волнения. Но все равно, бывало, просыпался с рассветом, как будто выныривая из помойной ямы, в трясучке, с противным привкусом во рту, непонятные, расплывчатые картины висели перед глазами, он чувствовал запах застарелой крови, и страх разливался по телу.

Марк следил, как сходит лед с залива, с нетерпением дожидался белых ночей и никогда не пропускал начало зимы, первый снег в городе. Но стоило ему вернуться в Петербург, в отцовскую квартиру на Большой Конюшенной, как снова его одолевали плохие сны, и он начинал задышаться.

В Арабских Эмиратах его здоровье ухудшилось. Казалось бы, сухой климат, пустыня... Но чтобы из гостиничного холла нырнуть в спасительно ледяной салон автомобиля, приходилось перейти вброд океан кипяченого молока. Воздух душным пластырем облеплял тело и лицо. Мучил, не давал вздохнуть. Жуткая страна. Царство Снежной королевы на раскаленной докрасна сковородке. Питерский дождь им бы тут определенно не помешал.

В Шарджу, культурную столицу Арабских Эмиратов, Марк привез коллекцию картин Томаса Кинкейда, американского художника, работы которого он собирал с двенадцати лет. Его друг, хранитель ценностей Национального художественного музея в Шардже, давно уговаривал его устроить выставку.

Официальное открытие, красная ленточка, речи, безалкогольное шампанское – компромисс между данью западной традиции и восточным сухим законом. Персонажи, наряженные, как герои сказок «Тысячи и одной ночи». Богатенькие эмираты – мужчины в дорогих костюмах и женщины, с ног до головы увешанные драгоценностями; местная аристократия – арабские мужи в традиционной одежде, белых отглаженных кандорах; журналисты, шныряющие в толпе гостей; интеллигенты-эмигранты, медленно фланирующие вдоль картин. На лицах – печать восточной расслабленности. Марка Вайнера представили как коллекционера, мецената, для которого транспортировка света искусства в народные массы – дело всей жизни. Он тоже произнес речь, ему долго аплодировали. Выставку назвали культурным событием года, хотя год только начался. В Эмираты пришла весна.

Когда с официозом было покончено, друг, хранитель музея Али, подошел к Марку:

– Ты, кажется, говорил, что интересуешься драгоценностями? Видишь девушку? – Он указал на особу с покрытой головой, в длинном сиреновом платье, которое скрывало грудь и плечи. Очень скромный наряд, а еще этот тюрбан на голове. – Она работает на Рашада аль-Хашми, владельца крупного ювелирного дома. Эксперт в драгоценных камнях и в оценке ювелирных украшений. Если будешь что-то покупать, то лучше у них, иначе тебя обманут и всучат подделку.

– Познакомишь?

– Мы с ней в ссоре, так что я буду тебе плохой рекомендацией. – На иронично приподнятую бровь Марка он закивал: – Да, да, обкурился, приставал к ней на одной вечеринке... И не успокоился даже тогда, когда меня вывела из клуба охрана, подкараулил ее у автомобильной стоянки. Ее зовут Ада, а фамилия, ох... – Он принялся тереть лоб.: – Она из ваших непроницаемых русских, то ли Болонина, то ли Боронина или БОронина. В общем, все зовут ее Ада.

Марк еще подумал тогда, глядя на Аду: как ей удастся сохранять белизну кожи при таком солнце? На фоне черных накидок женщин-эмирати Ада выглядела Белоснежкой из сказки. Он подошел к ней, когда она рассматривала осенний пейзаж, вдохнул аромат ее духов, что-то воздушное с нотой лимона:

– Вам нравится Кинкейд?

– Рождественские дома.

Как она хорошо сказала! Без жеманства, без стремления понравиться. Без всяких там: «О, я обожаю Кинкейда! Эти краски! Этот свет! Картины дышат! Лучатся!» Или: «Повесила бы у себя одну. Не подарите ли, хи-хи, Томаса Кинкейда? Обещаю, ничего больше у вас не попрошу».

Рождественские дома. И это было то, чем его приворожил Кинкейд. Дома, в которых всегда горит свет. Дома, в которых тебя ждут. Праздник. Семья. Любовь. Дома, к которым ты, увы, не знаешь дороги. Нельзя же требовать, чтобы волшебство было идеальным.

– А ваш фаворит?

Она ни секунды не сомневалась:

– Рене Магритт.

Марк на секунду закрыл глаза. Магия, воплощенная на холсте. Магритт – художник, который удивлял и заставлял удивляться. Он разбил мир на смыслы и так и не собрал его. Все что было до Рене Магритта – искусство и реальность – перестало существовать лишь по одному его велению. «Мои картины – сны пробуждения», – говорил он. Его картины – тайна. И они не значат ничего, потому что тайна непознаваема.

Нет, он не будет обсуждать с красивой девушкой картины Магритта. Как ей удастся – каждым словом задевать струну его сердца? Самую болезненную струну.

– А что насчет Нормана Роквелла? Он был наставником и другом Кинкейда.

– Только одно: «Апрельская дурочка и лавочник».

И Марк увидел ее пропасть, как компенсацию за пропасть свою: девочка и старик. Лавочник предлагает ей куклу со своим же лицом и ослиными ногами. А уменьшенная копия живой девочки тоже есть в его лавке – на полке – с мертвым барсуком в руках.

Марк спохватился:

– Позвольте представиться...

– О, не утруждайтесь, вы Марк Вайнер, бескорыстный меценат, принесший свет западного искусства на Восток. Слышала вашу вступительную речь... Ада Аркадьевна Боронина. – По его акценту она догадалась, что он «свой», и решила представиться полным именем. – Из Петербурга.

– Марк Михайлович. – Он долго жал ей руку и глупо улыбался, как человек, который вдруг среди смертоносных песков пустыни отыскал соотечественника. – И я из Петербурга, вот только день назад бродил по Невскому. А вы давно не были в Питере?

– Года два, почти три...

Он был так похож на одного очень дорогого ей человека. Черты лица, как вырубленные в скале. Черные, слегка вьющиеся волосы. Темные выразительные глаза. Вот только смотрит он по-другому – мягко, пылливо. Взгляд того человека не искал компромиссов, в нем горел огонь, который сжигал неугодных и поддерживал азарт в людях нужных. Она погрузилась в воспоминания и почти не слушала, что говорил Марк, очнулась, только когда он упомянул имя аль-Хашми.

– Вы ведь консультант ювелирного дома «Аль-Хашми», не так ли? – Она сдержанно кивнула. – Как раз подыскиваю что-нибудь редкое, в подарок...

– Для девушки? Вряд ли для жены. Не обижайтесь, но вы не выглядите как женатый мужчина, Марк Михайлович.

– Для матери. И вы правы, я не женат.

Он почувствовал себя дорожным камушком, который пытается казаться алмазом под прищелом монокля ювелира. В одну секунду она оценила его.

«Мамкин котенок!»

– У меня кое-что есть для вас. Но придется проехать, впрочем, здесь недалеко. Следуйте за мной.

Треугольный шлейф платья колыхался, подчеркивая каждый ее шаг. Прямая осанка, гордый разворот плеч. И восточный тюрбан из шелка на голове, как корона. Она даже не обернулась посмотреть, идет ли он за ней. У нее была власть над предметами роскоши, а значит, и над людьми. Марк стряхнул наваждение и поспешил за Адой. Догнал и пристроился рядом.

Марк чувствовал – приключения начинаются. Красивая, решительная женщина ведет его в сокровищницу, может быть, даже в пещеру Али-Бабы, полную кувшинов с алмазами, сундуков с самоцветами, и он старался не думать, во сколько ему это обойдется.

Оказалось, в пещере среди сорока разбойников не нашлось ни одного поборника чистоты. Ада привела Марка в квартиру, в которой царил даже не беспорядок, а сущий бардак. Первобытный хаос из женского белья, туфель, косметики, грязных тарелок, бутылок из-под вина, бокалов, коробок и пакетов службы доставки еды. Подушки дивана в гостиной перевернуты, с люстры, зацепившись крюком за рожок, свисает вешалка, с которой вот-вот сползет вечернее платье, на полу, раскинув рукава в бесшабашном угаре, валяется чуждая в этом климате шуба, на столе горой свалены босоножки.

– Вас обокрали? – сообразил Марк, выйдя из ступора, он уже лихорадочно нашаривал в кармане телефон, чтобы звонить в полицию. Его самый большой страх о Ближнем Востоке сбылся, ведь он боялся, что его обворуют по дороге в Эмираты. Трясая до холодного пота, что случится непредвиденное с коллекцией: попортят, потеряют или, ох, самое ужасное – украдут. Он следил за упаковкой, он дрожал над транспортировкой и, кажется, с тех пор как дал согласие на выставку, толком не спал и не ел.

Но Ада выглядела спокойной, только задумалась, морщинка пролегла над бровью. И Марку захотелось разгладить эту морщинку поцелуем, так она не шла ко всему ее облику уверенной в себе женщины. Но тут лицо Ады прояснилось:

– А! Вспомнила! Я ведь уволила горничную. Пустяки. Не обращайтесь. Подождите здесь. И расчистите стол, он мне понадобится.

Марк послушно взялся за составление пар из беспорядочной кучи босоножек. Он выстраивал их в ряд у стены, лавируя между пустыми бокалами на полу, пока не проявил смелость и не отнес их на кухню, в мойку. Потом осмелел еще больше и даже вымыл их.

Ада вернулась с металлическим кубическим чемоданчиком, из которого она, набрав шифр на крышке, извлекла бархатный футляр. Он удивился:

– Вы держите драгоценности дома? Это не опасно?

Она лукаво улыбнулась:

– Вы, наверное, ничего не слышали про Рашада аль Хашми?

Он смутился, но решил не врать:

– Нет, не слышал.

– Иначе вы бы знали, что мне нечего бояться, никто не посмеет даже сунуться в мою квартиру. Открывайте.

Он обеими руками приподнял крышку и почувствовал себя ребенком, который остался наедине с подарком в новогоднее утро. В доме все спят, а ты открываешь нарядную коробку с твоим именем.

На черном бархате мерцали бриллианты. Колье и серьги. В воздушном обрамлении белого золота. Трудно было описать эти драгоценности – ведь слова зачастую скупы. Гораздо проще сказать, какие чувства они вызывали. Величие, восторг, жажду обладания.

– Сколько?

Впервые Марку хотелось не получить подарок, а подарить его. Он уже предвкушал, как слова восхищения замрут на губах Элен, какими глазами она будет смотреть на него, своего сына...

Ада отметила и блеск в его глазах, и пересохшие губы:

– Не люблю, когда торгуются. Если будете покупать, то – только для вас – покупка обойдется всего лишь на пятьдесят процентов дороже себестоимости. Другим буду предлагать за тройную цену. Если решите, приходите завтра, после десяти вечера, в выставочный салон ювелирного дома «Аль-Хашми». Спросите меня. – И жестом пока еще полноправной владелицы богатства она захлопнула крышку футляра.

Жизнь в Эмиратах расцветает после заката и бурлит до двух-трех часов ночи. Поэтому в выставочном салоне «Аль-Хашми» былолюдно. Арабские жены привыкли каждую неделю получать золотые украшения в подарок от мужей, для которых это – семейное капиталовложение. О достатке семьи должны свидетельствовать колье и браслеты супруги.

Марка Вайнера проводили в малый зал, подальше от шумных посетителей. Со всех сторон на него смотрели витрины с бриллиантовым содержимым: кольцами, кулонами, ожерельями. Бриллианты чистой воды, цветные бриллианты; уникальные крупные камни, россыпь мелких; бриллианты в золоте, бриллианты в платине...

– Может, вам уже понравилось что-то другое? Выбирайте, не стесняйтесь.

На него, как стена, обрушился аромат пряностей, тягучей томности Востока и сладости, от которой сводило челюсти и начинала болеть голова. Марк не узнал эту девушку сразу. Опешил. Заморгал. Шагнул вперед, но тут же отступил на два шага. И обругал себя последним дураком: он не узнал ее из-за этого агрессивного аромата, а еще из-за волос. Тогда на выставке они были скрыты под шелковым тюрбаном, благодаря которому Ада становилась похожей на аристократку времен колониальной Индии. Сейчас волосы свободно струились вдоль спины. Светлые локоны, которые тоже считаются предметом роскоши на Востоке.

– А-в-в, а-аввв, – попытался поздороваться Марк, но из горла вырвалась лишь череда бессвязных звуков.

– Ада – если вы забыли, как меня зовут...

Он протестующе замотал головой: нет, нет, он помнит. Но спазм ошейником сжимал горло, Марк никак не мог сделать глубокий вдох. И как всегда в таких случаях, мертвящий ужас стиснул в кулаке его сердце. Марк побледнел – не хватало только рухнуть при ней в обморок. И страх потерять лицо оказался сильнее страха задохнуться: пружина легких распрямилась, горловые мышцы расслабились, и он, шумно вбирая воздух, как ребенок допивает молоко из чашки, вдохнул.

– Простите, я растерялся. Не ожидал увидеть вас такой... – Он провел рукой по своим волосам, убирая их назад, не находя подходящих слов.

И его жест тоже был жестом того самого человека, но, как в замедленной съемке, без решительности, без резкости. Ада едва сдержала вздох разочарования.

– О, это для привлечения клиентов. Маленькая уловка фирмы. Вы удивитесь, но многие из наших покупателей изначально приходили не за драгоценностями, а только чтобы посмотреть на меня.

– Ничуть не удивляюсь, – пробормотал Марк.

– Блондинку со светлыми глазами здесь считают чуть ли не инопланетянкой. Но вне работы я обычно укрываю голову, чтобы не привлекать внимание.

Ада поставила на демонстрационный стол футляр, который Марк видел вчера в ее квартире.

– Может, хотите выбрать что-нибудь другое?

Марк беспомощно оглянулся: бриллианты со всех сторон скалились и нахально раскладывали белый свет на все цвета спектра.

– Но ведь все эти украшения существуют не в единственном экземпляре?

– Нет. Но мы выпускаем их очень небольшими партиями. Есть авторские украшения. У каждого ювелира свой почерк, и вы всегда можете найти нечто похожее в его коллекции. К тому же, если от клиента не поступил запрет на копирование, то всегда можно сделать авторскую копию, правда, качество камней будет иное.

– Покажите мне еще раз, – кивнул он на футляр.

– Конечно.

Марк мало что понимал в драгоценностях, зато разбирался в искусстве. Колье и серьги были настоящим произведением искусства. В сочетании камней ему виделся художественный вкус, а не просто блеск. Но цена... его смущала цена!

Ада не помогала ему сделать выбор, не пыталась ни поторопить, ни даже объяснить, отчего цена так высока. Ее лицо сохраняло маску холодной любезности. И Марк понимал: здесь те же правила, что и у коллекционеров живописи. Не можешь сам оценить картину – не слушай, что о ней говорят, не ведись на пустые разговоры, доверяй только проверенным консультантам. Художественный вкус – совсем как музыкальный слух: или ты с легкостью попадаешь в ноты, ведешь мелодию без фальши, или ты напрягаешься, пытаешься не сорваться с узкого карниза музыкальной темы, но в какой-то момент даешь-таки петуха. А то и вовсе не слышишь, что и как звучит, глух к прекрасному, точно дубовый чурбан. Он не был глух, но и не был уверен в себе, он хотел бы доверять Аде, но не мог.

Марк боялся, что сделает выбор лишь под влиянием чувств. Ада понравилась ему. Не будет ли в сделке доли надежды на то, что они продолжат общение? Так нельзя вести дела, он это знал. Поэтому колебался.

Ада думала о том, что в характере этого мужчины, внешне так похожего на Ашера Гильяно, нет ничего, что напоминало бы о том, другом... Ашер всегда молниеносно принимал решения, он не сомневался, не ныл, жажда повернуть время вспять. Он никогда не жалел о своих решениях.

Ей даже расхотелось продавать, хотя азарт всегда владел ею в такие минуты. Ада лишь чувствовала, что провела двенадцать часов на ногах, лицо устало от бесконечных улыбок. В голове гудели арабские и английские фразы, копошились вперемешку, как пчелы в улье, между ними шныряли мысли на русском, хоть она уже приучала себя думать по-английски, а на арабском иногда даже видела сны. Аде хотелось домой. В свою квартиру, где новая горничная навела стерильный порядок. Есть бутылка вина. Она укроется пледом и уснет на диване под гул кондиционера.

Марк заметил ее отрешенность, потерю интереса, запаниковал, утратил всякую осторожность и слишком быстро согласился с предложенной ценой. Когда все документы получили хвостатые подписи и лиловые печати, был решен вопрос с доставкой драгоценностей в отель и

хранением, откупорена бутылка шампанского по случаю завершения сделки (для иностранных клиентов в «Аль-Хашми» держали алкоголь), Марк робко предложил:

– Поужинаете со мной?

Он был уверен, что ему откажут. Но Ада улыбнулась, вложив в лучезарную вспышку остатки сил после долгого рабочего дня:

– Почему бы и нет?

Марк повел ее в итальянский ресторан. Ада читала меню на итальянском и улыбалась названиям блюд, как старым знакомым: ригатони, букатини, лингвини, феттучини, реджинетти... Крики птиц, которые прощаются с тобой... Марк точно прочел ее мысли:

– Просто макароны. Хотя итальянцы убили бы меня за такие слова. Мой родной отец – итальянец. – И сам себя оборвал: – Он бы и убил. – И немного натянуто рассмеялся. У Ады дрожь прошла по спине. Марк Вайнер смеялся таким же хриплым, «лающим» смехом, как Ашер Гильяно.

– Вы общаетесь с отцом?

– Этот синьор не жаловал детей – ни своих, ни чужих. Мы ни разу не разговаривали, хотя он бывал в нашем доме.

– Чем он занимается?

– Инвестициями.

– Вы носите его фамилию?

– Нет, его звали Гильяно. Ашер Гильяно.

И только тут Ада сообразила, что Марк говорит об отце как об отжившей фигуре из далекого прошлого.

– Звали? – переспросила она, стараясь не выдать волнения.

– Он умер. Его убили.

– Как?

– Не самым приятным образом. – Марк натянуто усмехнулся. – Не для застойной беседы. Криминал. Бандитские разборки.

Она будто снова почувствовала шершавую ладонь Ашера, мокрую от крови, с силой прижатую к ее груди. «Теперь едва ли ты меня забудешь». Она не забыла его. Она скучает. Скучает по странному, непонятному человеку, который научил ее быть сильной и ничего не бояться. Иногда думает: «А что, если бы Ашер увидел меня сейчас? Увидел, какой я стала. Он бы гордился мной?» И тут же одергивает себя: «Как ты можешь? После всего, что он сделал?! Да ты не то что думать о нем не должна – имени его вспоминать!» Лучше делать вид, что никогда с ним не встречалась. Теперь это проще. Она больше не увидит его.

Сердце, подлое сердце, внезапно пронзила такая боль, будто его проткнули раскаленной спицей. Оно перестало стучать. Замерло, подвешенное над бездной. Атласный мешочек сердечком, набитый опилками. Обычно ему не больно. И вдруг оказалось, что оно живое. Или было живое секунду назад. В груди от тишины и пустоты нарастал холод. Ада не могла дышать, сидела, безвольно уронив руки на колени, веки прикрывали глаза, как струпья – рану, а под глазами резко проступили пепельные круги.

– Знаете, Али сожалеет о том недоразумении, что произошло между вами на вечеринке... – Оказывается, Марк продолжал что-то рассказывать, в то время как она размеренно кивала в такт его словам, соглашаясь с каждой фразой, не слыша ни одной.

– Али, хранитель музея? Он ваш друг? – невпопад переспросила Ада. Сердце качнулось, как на качелях, и возобновило ход, пару раз стукнуло не в такт, но уловило прежний ритм и включилось в работу, кровь побежала, окрасила румянцем бледные щеки.

Марк опешил, он только что рассказал о давней дружбе между ним и Али, искусно вел рассказ, вплел в историю пару курьезных случаев, несколько шуток и вполне серьезные вещи. Он только что отметил, какой Али замечательный, но почему-то ему не везет с женщинами.

Не зная, как реагировать на вопиющее невнимание, Марк кивнул. Ада прищурила глаза:
– Тогда он нашел хороший способ извиниться за свое поведение. Я закурю, не возражаете?

И, не дождавшись его ответа, достала пачку сигарет, а пробежавший мимо официант услужливо щелкнул зажигалкой. Марк не успел ее предупредить, что у него астма и он категорически возражает против курения, ему и так большого труда стоило примириться с ее приторными духами. Как вдруг он понял, о каких извинениях идет речь. Так вот оно что... покупка в ювелирном доме «Аль-Хашми» совсем не случайность.

На Марка потным валом накатила злость. Хорош друг! За его, Марка, счет пытается склеить девчонку. Да кто она такая, чтобы он так изводил себя? Марк торопливо глотнул воды:

– Вот как просят прощения на Ближнем Востоке! – И эхо обиженно отдалось в тонких стенках бокала.

– Скажите спасибо, что не приходится платить кровью. – Ада выдохнула дым, и Марк закашлялся.

* * *

Ада не отвечала на звонки.

Внезапно Марку стало тесно в двухкомнатном люксе с гостиной и спальней, он задыхался в искусственно вымороженном воздухе. Окна не открываются, а из-за затемненного стекла кажется, что на улице пасмурно. Вышел из гостиницы – солнце шпарит во все лопатки, чуть мигрень не началась от парного воздуха. Спрятался в прохладный холл, как черепаха в панцирь. Кофе, газета, диван с подушками, услужливый персонал... Он не в том настроении, чтобы перенимать стиль жизни богатеньких эмираты.

С ней могло произойти все что угодно! Ее могли убить, а теперь скрывают преступление завесой холодных слов: «занята», «не может подойти к телефону». Он поехал к ее дому с твердым намерением дождаться Аду возле стойки консьержа.

У Марка перехватило дыхание, так он был рад ее видеть. Он зачем-то вырядился в костюм и теперь не был уверен насчет галстука: не топорщится ли узел, не перекосялся? Он приглаживал галстук обеими руками, пытаясь расположить его по центру, и все время сомневался, хорошо ли поправил, совсем забыв, что центр на рубашке обозначен рядом пуговиц, и найти его совсем не сложно.

– Не любите галстуки? – спросила Ада, наблюдая за его судорожными движениями.

– Сдавливает горло. Но ношу, куда деваться?

– А вы снимите, не мучайтесь, – посоветовала она.

И Марк удивился, как сам-то не догадался нарушить дурацкий дресс-код.

Он выкрутил голову из шелковой петли, радостно хватанул воздух свободы. К счастью, ее духи выветрились к вечеру, сейчас от Ады исходил лишь тонкий запах померкшей розы, а под ним стелился дух гвоздичного масла.

– Вы не отвечали на звонки.

В ответ она лишь пожала плечами.

«Значит, не хотела со мной говорить, – подумал Марк.

На лбу выступила испарина, внезапно он почувствовал себя маленьким, ничтожным, хотя, по идее, так должна была чувствовать себя она, ведь у Марка были деньги, положение в обществе и вещи, которые придавали ему вес. А у нее? Наемная работа с чужими драгоценностями.

– Вы дрожите, – заметила она и забеспокоилась: – Вас знобит? Простудились? Под кондиционерами легко простудиться. Пойдемте. – И она взяла его за руку.

Бесовский кавардак был убран, но Марку жилище Ады вдруг показалось неудобным, и он не захотел оставаться один в гостиной, пошел за ней на кухню.

– Подогрею вам вина. – Ада достала початую бутылку красного из холодильника. – Вы, наверное, считаете дикостью ставить вино в холодильник?

– Никогда сам так не делаю. Но дикостью не считаю, – тихим, усталым голосом отвечал Марк и все думал: «Почему мы никак не перейдем на „ты“?»

Он всегда был не слишком напорист с женщинами, собственно, ему и не приходилось их добиваться, девушки сами назначали ему свидания, звонили, подстраивали случайные встречи.

– Ада... – Он и сам не понимал, отчего ему так трудно что-то ей сказать. Может, потому, что еще ни одна девушка не нравилась ему так сильно с первого взгляда? – Завтра я улетаю. Но вернусь через два месяца – забрать Кинкейда. Не откажетесь тогда со мной поужинать? – И под ее прямым, чуть насмешливым взглядом он совсем некстати добавил: – Если будете свободны, конечно. – Но тут же недовольно дернул ртом, соображая, что сам же подсказал ей путь к отступлению.

– Вы назначаете мне свидание через два месяца? Вы, должно быть, очень уверены в себе.

Она улыбалась. Марку виделась в этой улыбке насмешка. Он готов был встать и уйти, но усталость навалилась на плечи. Он вдруг почувствовал, в каком напряжении находился последние недели: сначала из-за выставки, потом из-за Ады.

Ада поставила перед Марком бокал вина. Он не был уверен в себе, хотя знал, что должен бы, по идее. Без уверенности не достигают высот ни в бизнесе, ни в отношениях. Что только его мать не делала, чтобы воспитать в сыне проклятую уверенность! А ему так тяжело давалась эта наука. Он постоянно колебался, взвешивал, подсчитывал факты и аргументы, ему казалось, что легче принять решение, если подбросить монетку. Но и тут возникал сбой: что же выбрать, орла или решку? Если орла, то не слишком ли он самонадеян? А если решку, не предвещает ли это беду?

«Мне нужно ее поцеловать», – думал Марк, обжигаясь каждым глотком вина. Держал бокал на весу и нервно отхлебывал, не давая напитку остыть. «Но как я ее поцелую? Между нами стол. А если встану, она сразу поймет, что я хочу ее поцеловать. Но если я ее все же поцелую, то нужно продолжать».

За хороводом мыслей он чуть не пропустил момент, когда Ада подошла к нему забрать пустой бокал. Марк дернулся, подскочил вверх, и неуклюжий поцелуй пришелся больше в щеку, чем в край губ. Какие у нее удивительные прозрачные глаза! Но смотрит она так, будто удивляется его поведению. Разве не самое естественное желание – поцеловать ее?

Лежа в гостиной на белом диване, неудобно подвернув под себя руку, Ада размышляла о том, что слишком далеко ее завело любопытство сравнивать сына и отца. Кроме внешности, Марк ничем не походил на Ашера. Он был как смертный червяк рядом с богом, по удивительной прихоти Создателя, на первый взгляд, подобный богам.

* * *

Когда Марк Вайнер зачастил в Эмираты, Али, с которым, к счастью, разрешились все недоразумения, по-дружески предупредил его: «С Адой будь осторожен. Рашад аль-Хашми не сентиментальный человек, красотой и молодостью его не проймешь, между ними что-то есть, и это – не только работа. Она ведь была стюардессой, а потом вдруг стала консультантом ювелирного дома. Конечно, бывают на свете чудеса, – поспешно сдал он назад под возмущенным взглядом Марка. – И все говорят, что у нее природный дар, она лучше всех разбирается в драгоценностях. И все же, и все же... – Он с сомнением покачал головой. – Ты слишком увлекаешься. Будь осторожен».

И вот пожалуйста – теперь он не может представить Аду матери, пока не будет в ней полностью уверен!

Время шло. Они объехали восточные курорты, начали осваивать Европу. Съездили в Брюссель, где особым пунктом их программы стали картины Магритта в Королевском музее изящных искусств; затем в Феррару, на родину Джорджо де Кирико – вдохновителя Магритта, а еще в Рим – Ада так захотела, и в Амстердам; ну и, конечно, в Париж – им обоим нравились импрессионисты. Обнаружилось, что Ада знает латынь и с легкостью читает древнегреческие тексты. И ведь именно такую девушку он хотел представить матери как свою невесту, но не мог, пока он не найдет ответов на некоторые вопросы...

– Скажи, что между тобой и твоим боссом? – спросил он, когда, по его мнению, дальше тянуть было невыносимо.

Ада лежала в постели с тарелкой фруктов. Сок манго тек по пальцам.

– Между мной и Рашадом? Мы друзья. Я знакома с его семьей. Со всеми тремя его женами. С детьми. А что?

– Ну то есть ты и он... У вас не было близких отношений?

Ада сжала спелый плод манго так, что сок брызнул на простыни:

– Хочешь спросить, не была ли я его любовницей? Собираешь сплетни? – В ее прозрачных, лишь с намеком на цвет, глазах отразилось презрение. – А что же ты так осторожничаешь? Если для тебя важно узнать, не спала ли я с ним, так и спрашивай, иначе правды не дождешься!

Марк молчал. Ее тон не предвещал ничего хорошего. Он боялся скандалов, он не хотел утратить ее расположения, и уж тем более он не хотел потерять Аду. Но в то же время Марк понимал: отношения зашли далеко, их надо либо вести еще дальше, либо безжалостно обрывать.

– Ну же?! – подстегивала она его.

И он бухнул, камнем с обрыва в реку:

– Вы с ним любовники?

– Да! – И это прозвучало как вызов.

У Марка задрожали губы. «Так и знал. Так и знал», – стучала кровь в висках. Он знал, что лучше смолчать, не раздувать ссору, не устраивать безобразных сцен, расстаться по-человечески. Или по-человечески как раз и нужно устроить сцену? Марк не мог молчать, слова подкатывали к горлу, жгли, жалили. И он заговорил тихо, цедя слова сквозь зубы, чтобы они не прорвались бурным, грязным потоком:

– Ведь эти люди так неразборчивы в связях. Богатство для них означает вседозволенность. Они продают и покупают женщин. Говорят, они выписывают девиц легкого поведения целыми самолетами. И мне не хочется даже думать, что моя девушка могла участвовать в этом разврате.

Ада взвилась:

– Твоя девушка? Я не твоя девушка! Как ты смеешь?! Ты не знаешь Рашада, а судишь о нем. Хорошо, скажу тебе правду, потому что не хочу тебе лгать: у меня с Рашадом деловые отношения, я никогда с ним не спала. Понял? Но он предлагал мне выйти за него замуж, стать его четвертой женой. Я отказалась. Ясно? – Она тяжело дышала, гнев отступал, как морской отлив.

Ее голос теперь был слишком ровным, слишком спокойным. Если в море начался штиль, то это не добрый знак, просто ты стал безразличен морю.

– А теперь уходи. Больше не звони мне и не пиши. Я не хочу тебя видеть. – Она резко откинула простыню, встала и кинула в него помятым манго, как в мусорную корзину.

Неделями он умолял о прощении. Корзины с цветами, корзины с фруктами, извинительные записки на белоснежных тисненых карточках. Сотня алых бархатных роз. Сотня роз белых. Все напрасно. И наконец, один из рождественских домов Кинкейда из его коллекции.

Марку казалось, ему легче отгрызть себе руку, чем лишиться картины, была слабая надежда, что Ада не примет подарок, отправит его назад. Он уже так далеко зашел в своих извинениях, что и сам не понимал, зачем отправляет ей картину. Он хочет ее вернуть, потому что любит? Он любит ее? Или просто хочет ее вернуть?

Кинкейда Ада оставила у себя. Извинения были приняты. Через месяц Марк познакомил Аду с матерью, а еще через неделю сделал ей предложение.

* * *

Квартира на Большой Конюшенной, спальня Ашера, которая теперь была их с Марком спальней, темно, тихо, лишь светятся цифры электронных часов. Марк привык вставать по будильнику, не заведи Ада часы – он обязательно проспал бы. И каждое утро раздавался этот мучительный сигнал к пробуждению – вредный въедливый писк, будто олово льют тебе в уши. Марк уходил на работу. А она мучилась от головной боли из-за проклятого будильника – так и расколотила бы его об стену!

«Когда это началось?» – спрашивала себя Ада, лежа рядом с женихом в постели. Марк давно спал, посвистывая носом, как суслик или другой столь же бесполезный зверек. Когда она начала иначе относиться к Ашеру? Конечно, трудно представить, что можно влюбиться в человека, который ни в грош тебя не ставит, который забавляется тобой, как игрушкой, да еще и норовит сломать при случае. Но тот, кто так думает, не знает Ашера Гильяно.

В нем чувствовалась такая неумемная сила, что хотелось к нему прислониться, зарядиться, как от аккумулятора. Он встал стеной между ней и холодным миром, который пугал ее и вечно вызывал на бой. Да, за эту защиту он брал дорогую плату, но Ада была готова платить, ведь считала, что так избавляется от своего главного врага – страха.

Страх жил в ней с того самого дня, когда вокруг все было белым-бело, а снег хрустел под ногами, как квашеная капуста на зубах. Каждый день в интернате их кормили квашеной капустой, восполняя зимнюю нехватку витамина С в детских промерзших организмах.

Именно страх, неподдельный животный ужас, ощутила она, очнувшись в больничной палате, такой же белой, как зима за окном. Раскидистое дерево, отбиваясь от порывов ветра, скребло узловатыми пальцами по стеклу, качаясь на ветках, кричали глупые птицы.

Ада боялась подняться с кровати, боялась выглянуть в коридор: а вдруг все это ей лишь снится, в то время как она по-прежнему в сыром и душном подвале, где с потолка, как всевидящий глаз, светит подслеповатая лампа на ниточке-проводе?

Она шархалась от людей, даже от врачей в белых халатах, вздрагивала от малейших прикосновений рук в бесчувственных латексных перчатках, закусив губы, стонала в нос на перевязках, отворачивалась, чтобы никто не видел, как из глаз катятся горошины-слезы. Ее пугали голоса, шаги, резкие звуки и... тихие звуки. Ада вздрагивала от каждого шороха, приседала от любого оклика. Но больше всего она боялась выписки. Придется ведь пройти по улице, а не по больничному коридору, вернуться в интернат... И снова придется жить, а она не знает, как жить дальше.

– Бедняжка, – говорили про нее между собой санитарки, не заботясь о том, что Ада их слышит. – Мало того что сирота, так еще и уродом останется на всю жизнь. Такие ожоги не заживут. Все лицо в шрамах. Кому она будет нужна? Изверги, чистые изверги... И живут ведь такие. И мамки у них есть. Следовательно она хоть сказала, кто с ней такое вытворил?

– Не помнит она. А что ты хочешь? Чуть достали с того света. Если дурочкой не останется – уже счастье.

– Лучше пусть будет дурочкой – страданий меньше.

– Не повезло девчонке.

Вот и Ашер был для нее источником страха. Иногда, стоило ему взглянуть на Аду, у нее начинали дрожать ноги, и она искала стул, диван – что угодно, лишь бы скорее сесть, чтобы он не заметил ее реакцию. Ада то ли знала, то ли чувствовала: ему нельзя показывать, что она его боится. Он не терпит трусости и сразу отправит ее с глаз долой, стоит ему только заподозрить в ней малодушие.

По утрам тональным кремом замазывала синяки на руках, к счастью, сходили они так же быстро, как и появлялись на ее чувствительной коже. Немало времени прошло, прежде чем Ада начала замечать, что Ашер иногда лишь хочет казаться жестоким. Бывали моменты, когда он, точно не совладав с собой, зарывался лицом в ее волосы, целовал шею, проводил языком от ямочки на горле к подбородку. В такие минуты от невыносимой нежности у Ады выступали слезы на глазах, а ее обычно негибкое, почти деревянное тело размягчалось, тянулось к Ашеру. В другие дни его страстность едва не срывалась в пропасть явного насилия, и тогда после его ухода Ада беззвучно плакала, закусив угол подушки. Но одно она знала точно: после Ашера она не будет бояться никого и ничего.

Когда же это началось? За завтраком? Она следила, как он подносит чашку с кофе к губам, и позавидовала чашке – ведь ее губ Ашер никогда не касался. Тут же обругала себя дурой, идиоткой, напомнила себе обо всех его мерзких привычках. И несколько дней жила спокойно, а потом снова взялась рассматривать его. В нем был некий незримый магнит, который притягивал ее.

Его красота пугала, лишала дара речи. «Мужчина не должен быть таким, – в тысячный раз говорила она себе. – Мужчина не может быть таким». И что-то тревожило в облике Ашера, сбивало с толку. Черты его лица, словно вырубленные в гранитной скале, безукоризненно правильные и бескомпромиссные, удивляли безукоризненностью – ни одного изъяна, ни малейшего диссонанса. Казалось, увидев такое лицо, ты не забудешь его никогда. Но стоило закрыть глаза, и твой разум оказывался бессилем воссоздать портрет Ашера Гильяно.

Его взгляд магически действовал на людей: они склоняли головы, готовые подчиниться даже слабому взмаху его ресниц. Властные интонации могли повергнуть ниц; Аде казалось, подчиненные Ашера падали бы перед ним на колени, если бы не боялись, что и это раболепство разозлит его.

Она приняла то, что он странный, что к нему нельзя подходить с обычной меркой, он другой, непонятный или непонятый.

Но все-таки, когда же это началось? Может, тогда, когда он, как обычно вечером, сидел в кресле с зеленой книжкой в сафьяновом переплете, читал и вдруг поднял глаза на Аду. Она наблюдала за ним, отложив модный журнал. Ашер смотрел, будто издали, слегка сощурился. Их взгляды встретились. Сколько длится мгновение? Секунды, минуту, две минуты, пять, вечность? И этот взгляд сказал ей об Ашере больше, чем все разговоры, чем проведенные с ним ночи и завтраки под шелест газетных листов, которые он комкал и забрасывал в ящик для растопки камина, как в баскетбольную корзину. На мгновение она вдруг поняла, какой он в действительности. Поняла суть его мрачности, его озлобленности, его молчания и его тяжелого, «пудового», взгляда. Сейчас она готова была читать его, как раскрытую книгу, но он вновь закрылся, опустил глаза в листки, испещренные непонятными значками.

Или это началось, когда она впервые испытала оргазм? С Ашером она не притворялась. «Много чести», – раздраженно бормотала она, маскируя синяки. Она даже не пыталась изобразить, что испытывает удовольствие. Он не обращал внимания или делал вид, что не обращает. «Тебя устраивает, меня – и подавно», – решила Ада.

Но как-то раз Ашер прошелся губами по ее позвоночнику, пробежался горячими пальцами, нежно надавливая на каждый позвонок, Ада приготовилась к боли, но больно не было. И вдруг начертил какую-то фигуру пальцем у нее на крестце и прижал к этому месту разгоряченную ладонь. Точно огненные фонтаны взметнулись снизу вверх, и, когда он соединился с

ней, Ада не смогла себя контролировать: она дрожала – нет, ее трясло, потому что неведомая сила шла изнутри. Она наслаждалась и одновременно умирала.

«Если это так просто, почему со мной раньше такого не случилось?» – думала она.

И как ответ на свой немой вопрос услышала слова Ашера:

– Энергия... Ее лишь нужно высвободить. Проще всего это сделать с сексуальной энергией – ее можно превратить во что угодно: в источник наслаждения, в умственное или духовное озарение, в краткое пробуждение...

Сонным голосом, на грани забывтья, она пробормотала:

– Почему так нельзя каждый раз?

– Ты можешь привыкнуть ко мне.

– Или ты... – прошептала Ада и провалилась в цветные сны, легкие, как детские книжки с картинками.

Она не позволяла себе влюбляться. Что еще за напасть? Однажды Ада уже влюбилась – и чуть не поплатилась жизнью. И сейчас думала – пройдет. Иногда Ашер мил, но чаще ведет себя скверно. Чувства развеются, как дым. Чуть, чепуха и наносное. Больше гулять, больше двигаться, пить меньше кофе – вот рецепт здорового духа, не обремененного любовными переживаниями. Но Ада не могла обманывать себя долго... Она хорошо знала это томление сердца, ласковые волны, накрывающие ее по макушку. Она могла часами мечтать, строить замки, где они с Ашером хозяева, в голове каруселью кружилась поразительная легкость.

* * *

Сон бежал от нее, потому что совесть была беспокойна, кипела, обжигала. Решено – она завтра все скажет Марку, вернет ему кольцо. Ей не стоило принимать бриллиант. Она заигралась, потерялась в воспоминаниях об Ашере. Теперь ей нужно научиться не вспоминать его.

Когда же утром Марк поднялся по зову будильника, Ада малодушно заползла головой под подушку, хоть в глазах не было даже маковой росинки сна. «Но не станешь же с самого утра громить человека плохими новостями!» – оправдывалась она сама перед собой. Ада корила себя за трусость, как вдруг Марк вбежал обратно в спальню с воплем:

– Посмотри, что у меня!

Она вынырнула из-под подушки. Открытка с репродукцией «Приемная Бога» Рене Магритта. Обычный двухэтажный дом в глубине пейзажа, луна серпом, деревья в осенних красках, две размытые фигуры на подходе к парадной двери, лужайка. Как и все картины, эта завораживала. Есть ли Бог? Нет ли его? Примет ли?

Ада подумала – из музея в Брюсселе пришло поздравление с наступающим Рождеством и Новым годом, они ведь с Марком регистрировались там, покупали копии картин, книги по искусству в музейном арт-шопе. Перевернула открытку. Размашистый крупный почерк:

«Дон Гильяно приглашает на празднование Ночи Фортуны Марка Вайнера с матерью Еленой Вайнер и невестой Адой Борониной». И подпись – дон Марко Гильяно.

– Что такое Ночь Фортуны? – удивилась Ада.

Марк пожал плечами:

– Не все ли равно? Главное, что он нас приглашает! Понимаешь? Это приглашение!

– Ты поедешь? – осторожно спросила Ада.

Марк присел на край кровати, как-то грузно опустился, будто от радости его уже не держали ноги.

– Понимаешь, я и не надеялся, что дон Гильяно когда-нибудь пригласит нас с мамой. Ведь мы никто для его семьи. Авантюристка и незаконнорожденный мальчишка – так дон,

наверное, о нас думает. А ведь он нас даже не знает. Это приглашение равносильно чуду! И ты поедешь со мной, раз здесь написано твое имя.

– Марк, я хотела тебе сказать... – начала она, но Марк так жалобно посмотрел на нее, что Ада осеклась.

Ей вдруг показалось, что Марк знает о ее намерении расторгнуть помолвку и просит повременить.

Она ведь не пойдет за него замуж. Она и не собиралась. Просто Марк дорог ей. Он – единственное, что осталось от Ашера Гильяно. Она всего лишь играет роль. И это – опасная игра. Нет, она не королева в извращенной шахматной партии, на которую сама подбила Марка. Она глупая пешка, которая прыгнула в первый ход через клетку и тут же уперлась в тяжелую, как свинцовый гроб, фигуру – путь вперед заказан, а отступить она не имеет права.

Встретиться с семьей Ашера? Что ж, она может себе это позволить, хоть сердце, ненадежный товарищ, колотится, как загнанный заяц.

– Я только хотела сказать, что с радостью поеду с тобой и с твоей мамой в гости к дону Гильяно.

Глава 4. Ян

Солнце село, Ян вошел в воду, ступил в мелкую волну, взбудоражив песчинки. Он знал, что не убивал Роберта Хински, адвокат не соврал ему. Он и пальцем не тронул этого толстяка. Яна оправдали. Но он был виновен в том, за что его и не судили, а он от ужаса или шока не помнил, что же случилось. Память возвращалась, как прилив, теперь уже он твердо знал, что убил Ашера Гильяно. Еще он знал, что Ашер был его отцом.

Всю жизнь Яна принимали за кого-то другого. Сам себе он казался песком, утекающим сквозь пальцы. От него вечно чего-то ждали. Мать хотела, чтобы он поправился и был обычным здоровым ребенком. В монастыре от него требовали невысказанных достижений в самоконтроле и медитации. Ашер Гильяно ждал от него чудес, исполнения древнего Завета, который Гильяно заключили с демонами-лилу. А Ян не мог, он не мог дать им то, что они от него хотели и требовали с блеском в глазах, чуть ли не подступая с ножом к горлу.

Не лучше ли уйти?

Чем глубже Ян заходил в воду, тем больше рос его страх. Но он решил твердо – не повернет назад. И когда вода достала ему до подбородка, юноша неожиданно для самого себя поплыл. Руки вдруг оказались сильными, ноги подвижными, он плыл, и страх его плыл вместе с ним, но уже не внутри, а рядом, как молчаливый попутчик. Ян не оглядывался назад. Он плыл вперед, в черноту. Он устанет, глотнет воды, задохнется. Или внезапно случится припадок. Ведь вода всегда была для него под запретом именно потому, что, случись приступ даже близко от берега, его не смогут спасти. Все будет так, как он задумал. Он больше не вернется на берег.

За мгновение до приступа мир подступал к самым глазам, будто он рассматривал его через линзу многократного увеличения. Каждый штрих приобретал удивительную прозрачность. Воздух начинал искриться, будто по нему шли невидимые, тоньше паутинки, провода, а по ним пропускали электричество. Каким-то образом эти невидимые провода превращались в сети, куда он попадал. Сеть проникала под кожу, вживлялась в разветвление сосудов, вспыхивала импульсами во лбу. Он представлял себе все так ясно, что не мог удержаться от крика.

И Яна начинало трясти. На него спускался занавес – пыльный, удушливый. Он больше не видел себя со стороны, как бы на сцене. Иногда это продолжалось четыре, шесть недель подряд, лишь отпускала одна тряска, как краткое призрачное забвение означало начало тряски следующей. После приступа он напоминал выжатую простыню, приходилось учиться всему заново – даже глотать, даже ходить. Он был беспомощнее котенка и не помнил о том, кто он.

Те, кто оказывался рядом с ним в такое время, с удивлением и страхом отмечали, что перед тем, как глаза мальчишки закатывались, в них мелькали синие молнии.

Снотворное помогало уснуть, но никто не знал, как мало Ян спал. Во сне он встречал непохожего на себя, но себе подобного человека. Тот смеялся и говорил: «Ты – это я». И Ян был с ним полностью согласен. Этот парень любил кровь. Любил все мертвое или едва живое. Он любил ножи и топоры, пилы и плоскогубцы – все, что можно было применить для убийства, увечья или мучений. Он любил убивать. И делал это с удовольствием, так часто, как ему удавалось. А на свободе двойник оставался почему-то только благодаря ему, Яну Каминскому.

Сны – вещь странная. Пока спишь, кажется, что ты ясно осознаешь происходящее, но стоит проснуться – и все уже выглядит несколько иным, с трудом можно вспомнить черты лица того человека, который снился. Ян до жуткой боли в голове сидел и вспоминал детали той, другой, реальности, иногда по двенадцать часов подряд. Так постепенно он воссоздал образ человека из своих снов.

Яна пугал горящий взгляд этого парня и его жажда крови. Яна беспокоило, что эта чужая страсть каким-то образом может перекинуться на него. Иногда он просыпался со вкусом чужой

крови на губах. И не мог понять, что происходит. Этих людей убивает он или он только наблюдает за тем, как их убивает другой? Кто другой? Какой другой? Ведь этот другой – он сам...

Больше трех часов в сутки он не мог спать. Или ему так только казалось. Пробуждаясь, Ян не мог пошевелиться, но почему-то видел комнату под другим углом, как если бы сидел в постели. В такие моменты он видел, что у окна кто-то стоит. Стоит тот, для кого не преграда двери и замки на дверях, этот кто-то проникает всюду без спроса. Его не зовут, а он приходит.

«Поправлюсь. Я поправлюсь. Обещаю», – твердил Ян в спину незнакомцу. Почему-то мальчику важно было убедить этого человека в том, что Ян не совсем безнадежен. А тому, кто стоял у окна, был противен парень с его нытьем. Ян знал, что незнакомец недоволен, поэтому не показывает своего лица.

* * *

Пятнадцатиметровая волна накрыла северо-восточное побережье Благословенной Ланки, превратив полосу пляжей и отелей в месиво. Вода поднялась тихо, почти неслышно. Мало того, ужасная тишина под ясным небом наступила за минуту до ее приближения. Казалось, в этом застывшем безмолвии хорошо будут слышны птицы и смешные позывные бурундука, похожие на торопливую икоту. Но природа молчала, ухо не улавливало ни звука.

Небо потемнело. Ветер закрутил крошечные торнадо на песке. Те, кто был на пляже, вдруг увидели, как из воды поднялась живая стена из мутной стали. Властитель глубин отгораживался от мира, такого назойливого и беспокойного. У невольных свидетелей не было страха – лишь удивление. Ведь человек не может сразу осознать мощь явления, которого прежде никогда не встречал. Сердце успело стукнуть один раз. И обрушился звук. Шипение морских змеев и рев чудовищной глотки. Человеческий визг, который тут же потонул в волне. Не было препятствий этой силе, людей она сметала, как кегли. Языки пены бурлили так далеко от своей вотчины, куда не забирались тысячелетиями. Дома наполнялись водой, как полые склянки под краном. Казалось, остров ушел под воду и больше не всплывет.

За первой пришла вторая волна. Огибая остров, стихия смывала курорты на юге и юго-западе. На два километра вглубь проникла разрушающая сила, оставляя за собой остовы домов, срывая крыши и ломая деревья, выворачивая столбы электропередачи. Потом вода схлынула. Многих унесло в океан, но кого-то вынесло на берег...

... Ян лежал на песке, и тяжелый голос внутри его головы повторял одни и те же слова. Он не постигал их смысла, но, втягиваясь в шум волн, начинал разбирать, как нити – в спутанном комке пряжи, отдельные фразы. И он попробовал повторять вслед за голосом, губы его шевелились, и он шептал ветру и волнам: «Никто не знает, откуда они пришли. Говорят, восстали из глубин. Встали, повели плечами... Так родился этот чудовищный народ, который научился обращать розы в кровь, а кровь – в розы.

И вышли они на берег острова, что сам как капля суши в океане. Была ночь, и воды были темны, они тянули свои творения назад, но те выстояли, вырвались и с размаху бросились на ледяной песок. Как только песок коснулся их чешуи, она начала слезать клочьями, обнажая кожу – розовую и гладкую, как у новорожденного человеческого детеныша. И уже было не отличить эти создания темных вод от человека...

Волны прогневались на своих детей за то, что те предали их во имя иной матери – Земли. Они захлестнули берег, пытаясь нагнать свой народ, вынуждая его бежать вглубь острова, думать о смерти в надежде на жизнь. Волны гнались за ними, обдавая мертвечиной брызг, хрипя и выплевывая пену. Создания выжили. Но океан до сих пор не отпустил их».

Юношу вынесло на берег. Обратно. Океан не захотел принять его. Вот только пляж не был похож на прежний. Возможно, течением Яна отнесло дальше. С одной стороны пляж океан-

чивался рифом, с другой замыкался мысом с пальмами. Яну ничего не оставалось, как идти на поиски людей и жилья.

Это был старый дом. Очень старый. Юноша вышел к нему, стоило уйти с пляжа. За частоколом пальм вдруг выросло здание. Заброшенное. Пустынное. Треснувшие ступени террасы, проросшая трава из разломов. Вынесенные прочь двери и окна. Казалось, водная стихия обошла этот дом стороной, хотя трудно представить, чтобы такое было возможно, – ведь строение стояло прямо у нее на пути. Сомнений не возникало – дом разрушался временем, иной неумолимой стихией.

Как только Ян ступил на террасу, в другом доме, в том, что поднимался уступами над черными скалами Неаполитанского залива, у донна Гильяно кольнуло сердце. Дон Гильяно привык доверять своему сердцу. Замерев на мгновение, он услышал звук шагов под пустыми сводами. Он попытался сосредоточиться, понять, в каком месте сердца происходит движение. Ведь на сердце донна Гильяно, как на карту, были нанесены все Дома семьи.

Переселяясь в новый Дом, старый оставляли и запечатывали особым образом, чтобы никто из людей не мог туда войти. Человека охватывал страх, стоило ему приблизиться к владениям семьи Гильяно. Значит, тот, кто проник внутрь, был не вполне человеком, он явно не испытывал животного страха, который гонит человеческое существо прочь и гонится за ним. Этот кто-то мог даже не заметить печати.

Дон Гильяно снова прислушался и понял свое сердце – шагами отзывался давно заброшенный Дом на Благословенной Ланке. Сводки о страшном цунами уже поступили к нему. Он читал телеграфные ленты и скорбно поджимал губы, жалея не о количестве погибших, – люди его не волновали, – его беспокоило то, что не пробужденный демон пытался убить себя, а вместо этого лишь повторил миф о рождении таких же, как он. Когда начинают сбываться мифы и сказки, наступают тяжелые времена. Времена перемен, времена катастроф. А еще дон Гильяно ждал, что Дом, пусть даже старый и дряхлый, сможет пробудить демона, как будил он всех людей, которые присоединялись к Семье. Но демон спал беспробудным сном.

* * *

Ян прошел здание насквозь и ощутил только, что этот дом – ячейка некоей сети, наброшенной на земной шар. Но кто набросил эту сеть? Кто сплел ее? Он бы искал ответы на эти вопросы, если бы не хаос вокруг. Юноша шел дальше и дальше и повсюду видел разрушения. Он видел людей, обессиленных стихией. Сломленных. Сорванных, как цветы. Людей в кровоподтеках и ранах. Ян ужаснулся – вид человеческой крови был приятен ему. И чтобы задавить в себе это чувство удовлетворения, он принялся за работу. Людям сейчас нужна была любая помощь тех, кто остался в живых и был здоров.

Ян разгребал завалы, осматривал человеческие раны и даже пытался начитывать целебные мантры, чтобы облегчить боль пострадавших. Странно, но его слова помогали, а ведь он думал, что в монастыре не достиг нужной степени посвящения. «Только не подводите меня к умирающим», – просил он, сам не зная, почему.

На трупы, на пустых, выпотрошенных людей, которых паковали в брезентовые мешки, он смотрел с интересом и восторгом странного свойства. Они напоминали ему драгоценные хрупкие сосуды – разве можно было держать в них нечто столь ценное, как душа? Может, именно в этой непрочности их сила? Может, в чем-то более прочном, более совершенном душа не держится? Он удивлялся сам себе, точнее, тому, что его теперь волновало.

Чем дольше Ян оставался на острове, тем больше проникал в историю этой земли. Он чувствовал, что здесь идет война. Где-то на севере, на полуострове, льется кровь и, по иронии, там растут виноградники, лучшие на острове. Вино и кровь – им суждено литься вместе. Он чувствовал, а теперь уже и знал, что война началась с сожжения книг. Ян видел, как они

горели, «вечные» манускрипты на пальмовых листьях, современные бумажные книги, – все превращалось в пепел. И пепел этот странным образом тоже был частью его, Яна, естества.

Через неделю пребывания на острове он почувствовал, что с закатом приходит жар. Тот поднимался изнутри, из самой сердцевины его существа. Ян стоял в палатке-столовой волонтерского корпуса. Он наливал чай из термоса. На протяжении дня голод не мучил его, но он ел вместе со всеми – по давней привычке. В монастыре его научили, что человеческий голод – не более чем иллюзия организма. Сейчас Ян страдал совсем от другой иллюзии.

Жар разгорался, заполнял собою все тело. Ян в недоумении взглянул на руки. Он видел, как под кожей набухают вены и начинают ходить буграми. Он выронил бумажный стаканчик, чай расплескался по столу, потек на пол. Ян явственно слышал kloкотание крови, чувствовал запах гари. Он ощутил, что огонь сжигает его внутренности. Приступ? Припадок? Никогда подобного с ним не происходило. Но терпеть не было сил. Огонь пожирал его. Бежать к врачам? Но он только избежался от врачей.

Ян сделал первое, что пришло на ум, – полоснул кухонным ножом по левой руке. И тут же почувствовал облегчение. Кровь капала на стол, в чайную лужицу. Ему показалось, что она черная. Зажав порез ладонью, он побежал к океану.

На берегу никого не было. Местные не подходили к воде после заката, опасаясь демонов, которые могли выйти из воды и украсть имя и судьбу человека. Но Ян, обычно чуткий к местным верованиям, сейчас счел разумным не вспоминать туземные сказки. Океан ластился как кот. Трудно было поверить, что, взбунтовавшись, он способен забрать тысячи жизней. Ян смыл кровь и почувствовал, как жар уходит. Вода гасила огонь.

Рана затягивалась буквально на глазах. Словно, отдав океану необходимое количество крови, рана стремилась побыстрее закрыться. Одним порезом Ян не отделался. Приливы жара стали накатывать часто. Раз в три дня, раз в два... Он уже знал, что делать, и, на всякий случай, утащил из палатки-кухни острый нож для разделки мяса, чтобы лезвие всегда было под рукой.

Тот парень из его снов – одобрил новое приобретение. Он кивал, будто говорил: «Теперь и у тебя есть нож, ты такой же, как и я». Но Ян не хотел быть таким. Он сделает все, чтобы доказать, что может быть другим. А звучащий в нем голос продолжал тихо шептать: «Пока твой нож знает лишь вкус твоей крови, но придет день – и он попросится на охоту».

Сходить с ума было не в новинку для него. И трезвый рассудок, воспитанный в монастыре, подсказывал – огня не существует. Есть только представления об этом огне: твои собственные ощущения, твои боль и страх. Но самого огня нет. И чтобы доказать своему пылкому воображению истину, он однажды схватился за ствол пальмы, когда пришла очередная волна жара, когда натянулись вены и кровь забурилась в узких каналах. Ствол занялся, как спичка. Ян отпрыгнул в ужасе, но огонь не причинил ему вреда, а вот пальма сторела. Больше он не шутил со своим огнем.

* * *

Ян Каминский помнил, как провел первую ночь в Доме Гильяно. Долго не мог уснуть. Ему казалось, что все тени прошлого собрались у его кровати. Он едва сдерживался, чтобы не закричать от страха. Но вдруг все тени, точно по команде, разошлись в стороны и исчезли в стенах Дома. И наступил покой. Измученная видениями голова упала на подушку. Он, чуть ли не впервые в жизни, уснул без лекарств, без заклинаний. Ян был там, где должен. Он преодолел свой страх, пришел в этот Дом. Но его не покидало чувство опасности, казалось, еще чуть-чуть – и угодишь в расставленную ловушку.

Утром Ян спустился к завтраку. Обычай Дома были для него непривычны – ведь раньше он не знал, как живут большими семьями... Может, везде так заведено, а он просто не знает

правил, потому что у него никогда не было семьи, он почти не жил дома, все его детство прошло в больницах, а юность – в монастыре.

Ян Каминский вышел на террасу и увидел множество круглых столов под белыми скатертями, и каждый был сервирован на пять персон, потому что сказано: «Есть много свободных мест, но гость должен выбрать одно».

За центральным столом сидел дон Гильяно. Он был мрачен, что было для него обычным душевным состоянием в последние несколько десятков лет. Он сидел один. Один за столом с четырьмя нетронутыми приборами. Перед ним стояла чашка с кофе.

Когда-то за этим столом сидели: он сам – дон Марко Гильяно, его жена донна Кай, его старший приемный сын Ашер, его младший приемный сын Шем и лучший друг его старшего сына – Антонио арад Аменти.

Когда дети выросли, дон Марко и донна Кай долго еще оставались за столом вдвоем. Затем ушла донна Кай. С тех пор дон Марко Гильяно завтракал в одиночестве. И никто не осмеливался разделить с ним трапезу. Но однажды поздно ночью в его доме появился Ян Каминский. Дон Гильяно долго беседовал с гостем в своем кабинете, и мальчика оставили ночевать в Доме.

Ян Каминский в тот момент не понял, что сейчас на этой самой террасе решается очень многое, как решалось тысячелетиями. Он знал одно: ему знаком в этой семье только дон Гильяно – да, хозяин дома насуплен и страшен, но других людей Ян совсем не знает, они могут оказаться еще злее. Так думал Ян, направляясь к столу донна Гильяно. Он не знал, что скажет. Однако же слова сами пришли:

– Доброе утро, дон Гильяно.

– Доброе? – удивился тот и поднял голову вверх, к небу, затянутому облаками.

Дождь лил стеной каждый день. Но, точно по волшебству, среди мрачных туч вдруг мелькнуло солнце.

Ян сел за стол рядом с доном, по левую руку.

Дон Гильяно откинулся на спинку стула. «Вот и настал день, когда в твой Дом постучался мальчишка. И поступил правильно, и сказал все верно до последнего слова, не понимая, что делает все как нужно. Но он лилу – уродливое создание. И что же ты станешь делать, Марко? Что станешь делать ты, который ребенком плакал над историей еще одного отщепенца в Доме – уродливого горбуна-карлика? – спрашивал себя дон Гильяно. – Ты, который клятвенно перед сном обещал себе, что, если бы все события приключились при тебе, ты был бы единственным, кто не побоялся к нему подойти, ты бы играл с ним, стал его лучшим другом... Время исполнения сказок пришло. Делай свой ход, Марко! Самое ужасное – ты знаешь, каким должен быть твой ход. И ты знаешь, что на него трудно решиться. Его еще никто не совершал. Он невозможен. Он ужасен. Он несет разрушения и проклятия. Так же, как этот мальчишка рядом с тобой. Так что, Марко, готов ли ты выполнить то, что написано в Книге? Ты знаешь, что в твоём доме растут маленькие дети, которым ты рассказывал эту сказку на ночь, и они верят в нее, и они верят тебе, потому что невозможно не верить дону Гильяно. Они верят, что все, написанное в Книге сказок, – правда. Ты обманешь их ожидания? А сможешь ли сделать то, что предписывает летопись Дома Гильяно? Смиришься ли ты с неизбежным? Ведь только что этот мальчишка отнял у тебя твое самое главное право – право донна Гильяно выбирать себе преемника. А может, ты этого и хотел?»

А вслух сказал:

– Ты нашел Дом. Тебе больше не нужно странствовать. Приглашаю тебя присоединиться к Дому Гильяно. Оставайся.

– Спасибо, нет, – ответил мальчишка.

Служители продолжали день за днем накрывать завтрак на террасе. Они руководствовались своими соображениями, и дон Гильяно не хотел им указывать, что правильно, а что нет.

С каждым днем солнце сияло ярче, небо разглаживалось, расходились облака. И погода улучшилась.

* * *

Через него, как через комнату, шли и шли люди. Присаживались, говорили с ним, кричали, перекрикивали, перебивали друг друга. Он даже не всем мог ответить. Одни ждали. Другие требовали. Третьи настаивали. Он не знал, как от них скрыться. Казалось, в нем тысяча комнат и все они заполнены этими людьми. Людьми с нечеловеческими лицами. Он был не властен над ними, он был не властен над собой. Его никто не понимал. Он не мог объяснить. Они приказывали ему молчать.

Ян сидел на ковре в странной комнате: стены были увешаны черно-белыми фотографиями. Лица – молодые, улыбочивые – смотрели на него сверху вниз. На каминной полке тоже стояло несколько фотографий в черных рамках. Но никогда не удавалось рассмотреть запечатленных на них людей, потому что перед ним сидели брат и сестра – Дан и Дина.

– Ян, ты заснул, что ли? – Дан через поле протянул руку и коснулся его.

Нет, он не спал. Вернее, спал, но где-то далеко, в другой стране, – в этом сне он бодрствовал, а иногда даже забывал о том, что спит.

– Твой ход, Ян! – напомнила Дина.

Он бросил шестигранный кубик и отсчитал выпавшее ему количество красных точек фишкой-драконом с отгрызенной головой – попался в зубы соседскому псу. Близнецы были так похожи, что сначала он с трудом их различал. Тонкие асимметричные лица, как под копирку, светлые волосы с серебристым отливом. Синие глаза. Темно-синие, когда они сердились на Яна. Они часто сердились, особенно Дан:

– Ты что сегодня как неживой?

– Боюсь, они так и будут считать меня сумасшедшим, – печально ответил Ян.

– А разве ты не сумасшедший? – неприятным, надтреснутым смехом зашелся Дан. Иногда он мог быть очень грубым. – Ты же в психушке.

– Все дело в том, кем ты сам себя считаешь, – мягко шлепнула по плечу брата Дина: мол, уймись, Дан, не обижай мальчишку.

– Кем я могу себя считать? – И снова его ход. Ладонь – ковшиком, потряс кубик. – Кто я, по-вашему?

– Омен, – хрюкнул Дан.

– Ребенок Розмари, – фыркнула сестра.

Но, глядя в обиженное лицо Яна, близнец смягчился:

– Тедди. Ты определенно Тедди.

– Медвежонок Тедди? – уточнил Ян.

Дан скорчился от смеха так, что сбил фишки. Дина заливалась звонче брата. Ян рассердился:

– Если вы будете смеяться надо мной, я больше не буду с вами играть.

– Ишь, напугал! – дергал ногами Дан. – Ты лучше книжки читай и фильмы смотри.

Ян вздохнул:

– Не разрешают мне.

– Ну и не переживай, все равно мир – это иллюзия, – успокаивала его Дина. – Почти как сон. Но легче всего это понять, когда ты знакомишься с производными этой иллюзии – человеческими творениями. Или со снами.

– Он и так разберется, он понятливый, – продолжал вздрагивать от смеха Дан. – Без образования, зато понятливый.

– Не виноват я, что не могу учиться! – крикнул ему Ян.

Этот противный, отвратительный Дан никогда его не поймет – ведь у него есть все: и дом, и родители, и сестра-близняшка.

– А кто виноват?

– А кто виноват? – вторила брату Дина.

– Ты не виноват, а кто виноват?

– А кто виноват, раз ты не виноват?

Он терпеть не мог, когда близнецы начинали друг за другом повторять, – они становились похожи на роботов, и это, как правило, означало конец сна. Это означало, что он вновь проснется в своей палате. Увидит белый потолок над собой, услышит, как за стеной кричит его сосед: «Неверные! Адово семя!» – повернется – решетка за окном, а с другой стороны – дверь, которая открывается лишь снаружи, но не изнутри.

Ян не рассказывал врачам про близнецов. Те снились ему, а врачи не слишком интересовались его снами. Их больше тревожило то, что он видел наяву. А видел он Бронзовый дворец.

– Иллюзия. Сон. А чей же это сон? – спросил он близнецов, когда смог переварить обиду.

– Чей угодно, но только не твой, – тут же ответил Дан.

– Не твой, – повторила за ним Дина.

– Сон, – уточнил Дан.

– Сон, – эхом отозвалась Дина.

– Чужой сон.

– Чужой сон.

И он проснулся.

Время шло, Ян вырослел, а в комнате, которую он видел во сне, ничего не менялось: для близнецов он всегда был ребенком, они для него – тоже. Однажды он попробовал разузнать, где они находятся, где ему искать этих брата и сестру, и услышал насмешливый ответ:

– Мы в твоей голове, дурачок.

Близнецы не являлись ему по заказу. Иногда он думал о них весь день, но ночью они не приходили. А бывало, что забывал их, пока лечился, ходил на занятия, на прогулки, и потом вдруг – раз, и он снова в комнате с фотографиями.

Когда Ян Каминский впервые попал в Мемориальную гостиную Дома Гильяно, он узнал комнату из своих снов. Со стен на него смотрели черно-белые лица тех, кого уже не было в живых. Служитель в черном показывал ему Дом, а Яну хотелось остаться сейчас одному, чтобы рассмотреть лица на снимках. Он надеялся найти Дана и Дину. Он был уверен – узнает их. Но Служитель от него не отставал и нигде долго не задерживался.

В тот же день, вечером, Ян Каминский снова зашел в Мемориальную гостиную. Он рассматривал фотографии, но по-прежнему не находил своих давних знакомых.

– Кого-то ищешь? – спросил его дон Гильяно. Он спустился в гостиную, чтобы рассказать детям сказку на ночь.

– Близнецов. Мальчика и девочку. Дана и Дину, – ответил ему Ян, дону Гильяно он не боялся доверить свою тайну.

– В Доме Гильяно рождается много близнецов. Мои мальчики были близнецами. – Он показал на две фотографии – одну на камине, другую на стене. – Предатель ты или праведник, изгнан ты или проклят, если ты Гильяно, то после смерти твое место – в Мемориальной гостиной. Детей с такими именами, как ты говоришь, я не помню. Неудивительно, если учесть, сколько лет Дому Гильяно.

– Серебряные волосы, сапфировые глаза, – описал их Ян Каминский и сам себе удивился – до чего же неправдоподобно это звучит. Наверняка Дан и Дина были всего лишь порождением его больного воображения. Это они и пытались ему сказать, когда играли в старинную игру-бродилку. Но дон Гильяно понял, о ком он говорит:

– А! Детей, подобных им, после смерти мы сжигаем, их пепел развеян по Саду Гильяно. Но память о них не храним. Их фотографий нет в гостиной.

– Может, их кто-то помнит? Кто-то из таких же, как они? Или их родственники? – предположил Ян.

– Лучшие из Лучших больше не рождаются в Доме Гильяно, – ответил дон таким голосом, будто выносил своей семье смертный приговор.

* * *

Антонио Аменти не поверил Смотрителю, когда тот говорил, что Ян Каминский должен сам найти дорогу к Дому Гильяно. «Станет он искать, как же! Побегит прочь со всех ног», – думал адвокат. Он защищал Яна без колебаний, на публике был исключительно предан своему клиенту, но тайком горевал и не мог поверить, что Ашера не стало из-за этого мальчишки.

«Из большой ненависти рождается большая дружба», – туманно произнес дон Гильяно.

Был четверг – День воспитания мальчиков Гильяно. Когда визит Антонио назначался на этот день, занятия проводил он.

«У тебя есть девушка, Ян? – спросил дон Гильяно. Ян смутился и отрицательно покачал головой. – Ну все равно тебе полезно будет послушать».

Каждый четверг, начиная с двенадцати лет, мальчиков Гильяно учили искусству любви. Вырастая, все они становились искусными любовниками. Ян впервые слышал, чтобы так откровенно говорили о жизни тела. У него не было опыта, кроме того раза, когда он проснулся рядом с кучей пепла в постели. И сначала не понял, шутка это или большое несчастье.

Иногда Антонио даже отвлекали от важного судебного процесса ради этих занятий. Дон Гильяно присылал ему приглашение – и Аменти, скрипя зубами, срывался из любой точки земного шара только для того, чтобы рассказать мальчикам Гильяно о разновидностях куннингуса.

Антонио выглядел жизнерадостным шутником, когда вел занятия. Мальчишки в классе то и дело покатывались от хохота. И мало кто в Доме помнил, что для брата Аменти подобные лекции – унижение. Но Антонио этого никогда не забывал, знал об этом и дон Гильяно. Назначением вести уроки его словно передвигали из пятого от центра круга в третий, к Учителям, к тем, кого в Доме называли Змеями. Однако подобные предметы были немыслимы для братьев Аменти, которые давали обет послушания, бедности и целомудрия. До тридцати лет Антонио не знал женщин, свято придерживаясь данных обетов.

Увы, прошли те времена, когда Дом Гильяно мирно уживался с Братством Аменти.

Дон Марко собственноручно казнил всех братьев. Антонио удалось спастись лишь потому, что сын донна Гильяно – Ашер – вступился за него. Было такое правило в Кодексе Гильяно: старший сын может потребовать оставить в живых пленного, чтобы тот стал его рабом и не отходил от него ни на шаг. Но Ашер никогда не пользовался своей привилегией господина, ему претило быть рабовладельцем. Антонио он называл своим лучшим другом, не меньше. И все же статус раба отныне навсегда был закреплен в имени Антонио: «арад» означало «раб» на древнем наречии семьи Гильяно.

После изгнания Ашера все его имущество, в том числе и Антонио арад Аменти, перешло во владение Дома Гильяно, а значит, дон Гильяно напрямую мог распоряжаться судьбой раба. И тогда дон Марко приказал Антонио забыть о степени доктора богословия и переквалифицироваться в адвокаты. И вот – по четвергам рассказывать скабрёзности своре мальчишек.

Антонио Аменти заметил, что новый ученик смущен, не знает, куда девать глаза, стесняется смотреть на доску, где Антонио живописно изобразил эрогенные зоны. После урока Антонио подозвал юношу:

– Не придавай всему этому значения. Просто развлекись с кем-нибудь. И как можно дольше не влюбляйся.

Яну было очень неловко:

– Наверное, я уже влюбился, – пробормотал он.

– Ого! – присвистнул Антонио. – Когда же ты успел?

Ян пожал плечами. Он и сам не знал. И впервые даже сам для себя назвал свои чувства влюбленностью. Скорее, это было наваждением. Вдруг перед ним являлся нежный лик: полудетский капризный изгиб губ, грустная морщинка над левой бровью, едва ли не прозрачные глаза, которые видели много, но сумели остаться безмятежными, как нетронутая камнем гладь пруда; светлые локоны она откидывала с лица, задорно тряхнув головой. Во снах он целовал ее, держал за руку, обнимал. Она была его единственной. Но наяву он боялся признать, что его прекрасной возлюбленной, возможно, не существует.

– Только... Она... Она совсем не для меня.

– Глупости. Конечно, она для тебя. Сейчас я тебе кое-что нарисую. – Он достал из кармана блокнот и быстрыми штрихами начал в нем рисовать. Ян расширенными глазами смотрел на то, что выходит из-под руки Антонио Аменти.

– Вот три схемы. Если она совсем фря, начинай сразу с третьей. А вообще, каждая из трех гарантирует тебе стоны, ахи, вздохи, полный восторг, даже слезы. Я бы не сказал, что все они обеспечивают любовь до гроба, но за полный восторг – отвечаю. Слово Братства Аменти. – И он рассмеялся над своей напыщенной речью. – Какие-то порнографические картинки я тебе нарисовал, да, Ян? Соблазняю тебя, толкаю на путь греха? Или как у вас в монастыре говорили?

– Не в таком я был монастыре, – возразил Ян. – Нам ничего не запрещали. Просто возможности не было.

– Возможности не будет, пока ты сам себе ее не обеспечишь.

Ян спрятал листки в карман. Он знал, что не воспользуется ими. Ему нельзя. Он проклят. И любой женщине, которая с ним свяжется, будет грозить опасность. Но он не хотел обижать Антонио.

– Спасибо.

Еще на Ланке Ян понял, что он нравится женщинам. Почему, для него оставалось загадкой. В двадцать лет своей худобой он походил на подростка, длиннорукий, нескладный, с коротким ежиком волос – в монастыре брили голову. Он все время смотрел себе под ноги или, если с ним заговаривали, рассматривал собеседника из-под полуприкрытых век. В глаза людям смотреть избегал. Странные привычки будто ограждали его от чего-то ужасного, что было до конца ему неизвестно.

Но, забывшись, он в восхищении смотрел на женщин и ловил в ответ их взгляды. Взгляды прекрасных женщин, которые его-то и замечать не должны! Даже девушки-ланкийки тайком, из-под ресниц, поглядывали на него. А они ведь хранили себя в чистоте до свадьбы. Для них немисливо было отправиться на свидание с иностранцем. Да что там свидание! Заговорить – опасное дело. А отцовский суд строг и часто несправедлив. Поэтому местные девушки держались подчеркнуто гордо и даже глазом не поводили в сторону волонтеров, чтобы показать – соблазны они преодолевать умеют. Но на Яна смотрели, и он смущался.

Молодые ланкийки – сама песня. Кожа цвета корицы, яркие сари, зонтики от солнца. Темные волосы, чтобы лучше росли, на ночь густо смазывают миндальным маслом. Пышные волосы – гордость девушки. От каждой исходил тонкий миндальный запах, и Ян, улавливая его, чувствовал что-то знакомое, словно давно забытое, но невыразимо прекрасное. Возможно, именно от этой непонятной ностальгии на Ланке он ел миндаль горстями.

Но первой о сексе с ним заговорила его начальница Полин из волонтерского лагеря. Он получал от нее задания и отчитывался за их выполнение.

– Выпьем вечером пива? – предложила она.

Вечером они сидели на поваленном дереве вблизи океана, пили имбирное пиво и разговаривали. Полин была француженкой, в действительности ее звали Пола, с дифтонговым звуком на конце. Но Ян, как ни старался, не мог произнести это имя правильно, поэтому называл ее Полин, да она и не возражала.

– Почему ты все время один? – спросила Полин. – Ни с кем не дружишь...

Ян пожал плечами:

– Я не умею дружить.

Он с трудом изъяснялся на английском, еще хуже – на немецком и совсем был плох его французский. Несмотря на то что детство Ян провел в швейцарских клиниках для душевнобольных и в санаториях, лучше всего он говорил по-русски, но не потому, что это был родной язык его матери, а потому, что в одной из клиник с ним занималась русскоязычная врач-психотерапевт (там старались найти индивидуальный подход к каждому пациенту). Тем не менее Ян всегда понимал речь говорящего, хоть и не мог сам внятно ответить. Если бы он задумался, то понял бы, что не столько вслушивается в звучащие слова, сколько читает мысли собеседника.

– Тобой интересуются. Девочки спрашивают меня о тебе.

– Почему? – только и смог спросить Ян.

– Ты им нравишься. Ты не такой, как все.

– Разве это хорошо? Быть не таким, как все?

– Отлично! – Полин поднесла горлышко бутылки к губам, глотнула. И, не дожидаясь, пока Ян сделает первый шаг, потянулась и приложилась губами, на которых еще дрожал вкус имбиря, к сухим губам Яна. И тут же отпрянула – она обожглась. Потирая тыльной стороной руки обожженные губы, она возмутилась:

– Что с тобой? Почему ты такой горячий? Температура?

Яну некогда было объяснять, да и вряд ли Полин поверила бы ему. Он взглянул ей прямо в глаза. И небесная синева затопила ее. Девушка ничего не видела, кроме синего гипнотизирующего света, который исходил от Яна. Полин была в его власти. Он полностью подчинил ее себе. Ян поманил ее рукой, скорее для сторонних глаз, которые могли наблюдать за ними, чем для Полин, – ведь она и так следовала за ним, как привязанная. На миг у него возникла мысль: а хорошо ли он поступает? Но тут же успокоил себя – она первая этого захотела. Действовать вопреки ее воле он бы не стал. Когда-то нужно просто сделать это.

В палатке было душно, спальный мешок шуршал. Полин бормотала нежные слова по-французски. Ян в чем-то был неловок, где-то слишком тороплив, но Полин не замечала его ошибок. Расширенными глазами она смотрела перед собой и видела коридор синего света, который плавно перетекал в мозаичные полы и мраморные стены. Она шла по дворцу. И колоннада ширилась с каждым ее шагом. Полин оглядывалась в недоумении: куда она попала? Что это за место? Перед ней распахивались двери, выложенные бирюзой, янтарем, отделанные золотыми пластинами. Колонны голубого мрамора сменялись розовыми. Малахитовые уступали место колоннам из терракоты и красного дерева. Мозаики на полу: голуби с оливковыми ветвями в клювах, ладьи с львиными головами, люди в рыбьей чешуе – все плыло перед глазами. А там, в глубине залов, ее должен был кто-то ждать. Кто-то великий и прекрасный, как принц из волшебных сказок. Принц Ночи и Кромешной Тьмы.

Ян проснулся, когда от солнца зарумянились брезентовые стены палатки. Он не нашел подле себя Полин – рука наткнулась на гору остывшего пепла. Тот утекал сквозь пальцы, пачкая руки. Ян не мог понять, что это... шутка? Насмешка? Издевательство? Месть тайного поклонника Полин? Лучше было одеться, найти ее и спросить. Но в лагере никто не видел Полин с вечера. Он последним с ней разговаривал. И ему пришлось объяснять, о чем они говорили и куда пошли. Полин не появилась и к вечеру. Ее разыскивали. А Ян все думал о том самом пепле, который он вытряхнул из спального мешка под пальму, как удобрение.

* * *

Ян отошел на несколько шагов от Антонио, но вновь вернулся:

– А можно у вас еще спросить? Синьор Антонио арад Аменти...

Антонио оборвал его:

– Пока ты будешь произносить мое имя полностью, тебя дважды застрелить успеют. Зови меня Тони.

– Тони, вы мне покажете, где могила Ашера Гильяно?

Как же тяжело ему было с этим мальчишкой. Соврать ему? Сказать?

– Мне нужно выпить. – Он щелчком подозвал пробежавшего мимо мальчика в черной куртке. – Принеси мне виски со льдом. – Мальчишка тут же забыл о своих делах, метнулся выполнять приказ Антонио Аменти. Виски появился почти мгновенно.

– Запомни, – попутно наставлял Яна адвокат, – если тебе что-то нужно, смело обращай к этим парням в черном. Они для этого и поставлены, чтобы выполнять все желания домочадцев Гильяно. Очень удобная система. Однажды я велел какому-то подростку доставить мне азиатскую стриптизершу, и что ты думаешь? Через полчаса она танцевала для меня. – Глотнув виски, он объяснил: – Гильяно не пишут имен на надгробных камнях. Они испещрены надписями, но среди множества слов нет ни одного имени. Никто, кроме них самих, не знает, кто лежит в могилах. Если ты тот, за кого тебя принимают, ты сам поймешь, где его могила.

«Если ты тот, за кого тебя принимают...» Снова эти слова! Теперь ему предлагают поиграть в прятки на кладбище Дома Гильяно.

Из окон кабинета в Башне дон Гильяно был виден и цветник, и пляж, и бассейн, и семейное кладбище. Дон Марко и Антонио Аменти наблюдали за Яном, ожидая, какую могилу он выберет.

Ян застыл среди черных надгробий, чутко прислушиваясь к себе, к ветру, к камням. Откуда придет подсказка? Он не двигался с места так долго, что дону Гильяно это надоело, и он обратился к Антонио:

– У меня планы относительно тебя, – сказал дон Гильяно. – Тебе нужно разбудить лилу.

– Вы думаете, он и есть... Вы думаете, он – драгоценность Дома Гильяно? Лучший из Лучших? – осторожно спросил Антонио.

– А ты думаешь иначе? – усмехнулся дон. – Ты вместе с ним отправишься в Дом на Ланке, откроешь залы Аменти. И заставишь лилу вернуть душу Ашера Гильяно в его нынешнее тело, – и, предвосхищая вопрос Антонио, добавил: – Тело уже там. Похороны были спектаклем: закрытый гроб, цветы и соболезнования. И, если ты недоволен тем, что кто-то недостойный, не принадлежащий к Братству, осквернил залы Аменти своим присутствием, то ты имеешь все основания гневаться – там побывала целая толпа. Но ведь и ты сможешь войти туда – после стольких лет изгнания. Скажи спасибо лилу.

Из ящика стола дон Гильяно достал ключ – тот самый амулет – анкх с каплей крови лилу внутри, который когда-то носил на груди Антонио Аменти. Но не спешил отдать его. Накрыв рукой, наблюдая за реакцией адвоката.

Антонио закусил пересохшие от волнения губы.

Залы Братства Аменти находились в подвалах двух самых старых Домов Гильяно: в Египте и на Благодословенной Ланке. Но в Египте Дом был погребен под песками, семья покинула его в самом начале христианской эры. Дом на Ланке оставили сравнительно недавно – в XVII веке по современному людскому летоисчислению. С тех пор он пришел в упадок, почти разрушился. В Залы Аменти же не заглядывали и того больше. Братство прекратило существование почти две тысячи лет назад.

– Не радуйся раньше времени, – прервал его мечты дон Гильяно. – Одного тебя вместе с лилу я в Залы Аменти не отпущу. Семья переедет в Дом на Ланке.

Сжимая в руке ключ, который так неожиданно вернулся к нему, Антонио вспомнил одну из сказок Дома Гильяно, которую дон Марко часто рассказывал перед камином в Мемориальной гостиной. Так часто, что любой ребенок знал ее наизусть.

Демоны от начала времен

Давным-давно по Земле бродили демоны. Они принимали разные обличья. Кто-то подстраивался под людской образ, но не отвечал ему полностью, кто-то выбирал звериную шкуру или рога, приставлял себе вместо человеческой головы голову быка или льва, сочетал звериную страсть с высоким сознанием. Демоны были большие выдумщики, любили посмеяться над собой и своим внешним видом.

В жены они брали земных женщин. Учили своих земных детей разным наукам и ухищрениям. Они открыли мужчинам секреты различных руд, показали им, как строить башни и храмы. А женщинам дали власть над драгоценными камнями и золотом, научили их гармонии, танцам и пению.

В одних местах демонов почитали как богов. В других – гнали как злых духов. В третьих – принимали за мирных чужестранцев. В четвертых – объявляли им войну. Потому что Земля кругла и велика, и порой невозможно предугадать, что таится на другой ее стороне и какие люди там живут, какие обычаи у них в ходу, какие мысли им свойственны.

Там, где началась война, пролилась первая кровь демонов и первая кровь людей. И стало очевидным, что и те и другие нарушили Закон, потому что убивать без причины, ради игры и забавы, не позволено никому. Число демонов на Земле стало множиться. На смену одному павшему приходили десять. Человеческим женщинам стало не до искусств и украшений – они вынуждены были каждый год приносить в мир по ребенку.

Демоны начали творить то, что прежде было за гранью дозволенного, – входить в людские тела и пожирать души. Их нельзя было отличить от людей ни при свете дня, ни при лунном свете ночи. Убивая такое существо, человек не знал, демон ли перед ним или его собрат по племени. И началась братоубийственная война. Люди восстали против людей.

Тогда-то и появились те, кого потом стали называть «убийцами демонов». Они хитростью заставляли демонов проявить силу, обменивали кровь на чудеса, а затем цинично лишали их крови, и те рассыпались, как хрустальные сосуды...

* * *

Антонио мельком взглянул в окно, где худой парень все еще топтался возле надгробий, не понимая, что за шутку сыграл с ним синьор Аменти. Ян не чувствовал, что могила Ашера Гильяно где-то тут. Он осматривал камни в полном недоумении. Еще минут пятнадцать – и он сможет назвать всех погребенных по именам, однако Ашера Гильяно среди них не окажется.

– Он лучше умрет, чем станет помогать Гильяно, – пробормотал Антонио, вспомнив, как Ян держался на суде. Юноша готов был понести наказание, лишь приказ адвоката удерживал его от чистосердечного признания в убийстве.

Дон Гильяно удовлетворенно кивнул:

– Для этого ты мне и нужен. Разве смысл твоей жизни не в том, чтобы каждой секундой своего существования приносить пользу Дому Гильяно?

– Да, это так, дон Гильяно, – смиренно ответил Антонио.

– Вот и скажи мне, ради чего стал бы этот лилу жить? Что его удержало бы в Доме? Давай! Ты умеешь располагать к себе, Антонио. Люди выбалтывают тебе свои тайны. Думаю, демоны в человеческом обличье слеплены из того же говорливого теста. Скажи мне, чего хочет этот лилу? Ты был дольше всех с ним, тебе он доверяет.

Антонио замялся. Он и хотел бы скрыть то, чем поделился с ним Ян, но не мог врать дону Гильяно. Связь раба и господина предполагала, что зависимый не может предать своего хозяина, не может солгать ему. Когда он находился рядом с доном Гильяно, Антонио всегда ощу-

щал эту связь, как тяжелую цепь на шее. Он уже пробовал бороться, пробовал скрывать истину, тогда слова против воли выливались из него, как под воздействием «сыворотки правды».

– Он говорил, что влюблен, – промямлил Антонио.

Глаза дон Марко азартно блеснули:

– О, человеческие женщины! Лилу падки на земных красавиц. Найди мне ее, и она получит приглашение в Дом Гильяно.

– Но, возможно, это всего лишь юношеское увлечение... – слабо возразил Антонио. – Или бред воображения.

– Лилу влюбляются один раз в жизни. Это их свойство перешло и к Гильяно – после того как мы заключили с ними Завет. От своей любви лилу так просто не откажется. Стань его другом, разузнай все про эту девушку.

– Врать тому, кто читает мысли? – При всей покорности Антонио Аменти опасался браться за невыполнимое задание.

– А ты будь искренен в своей неправде, – криво усмехнулся дон Гильяно. – В суде ты лжешь, как дышишь, Антонио. «Tura per jura, secretum prodere poli!» – «Клянись и лжесвидетельствуй, но не раскрывай тайны!» – разве это не девиз всех адвокатов Гильяно? И разве не Гарвард ты окончил, где установлена знаменитая «статуя тройной лжи»? Что ты знаешь о правде? Что ты знаешь о Лучших из Лучших?

– «Это дар Великого Садовника. Кто станет пренебрегать даром Великого Садовника? Но если кто станет, да будет проклят. Ибо создания эти держат Дом на своих плечах» – вот что знал Антонио о Лучших из Лучших, это знали все в Доме с детских лет.

– Не пренебрегай этим даром, тогда и проклятие не коснется тебя, брат Аменти. Последний из Аменти... – поправил себя дон Гильяно.

«Его здесь нет», – услышал дон голос мальчишки, хоть Ян не произнес ни единого слова. Дон Гильяно всегда слышал Лучших из Лучших на любом расстоянии. Этому мальчику долго удавалось скрываться, впервые дон Марко услышал его, когда Ян вошел в разрушенный Дом на Благословенной Ланке. Но тогда это было зыбкое ощущение, теперь же он не только отчетливо слышал мысли лилу, но и мог смотреть его глазами. Лишь временами эта связь прерывалась. Иногда дон пропускал целые монологи. Так бывает, когда лилу не связан с Домом кровью. Как управлять им? Как узнать о его тайных замыслах?

«Есть могила. Но она пуста. Он жив? – терялся в догадках юноша. – Нет, мертв, – отвечал Ян сам себе. – Но где он? Среди мертвецов Гильяно его нет. Как же это возможно?» – спрашивал он у камней, у ветра, у травы, что касалась его щиколоток.

«Его нет среди мертвых, потому что ты забрал его душу», – послал ему ответ дон Гильяно. И в окно увидел, как мальчик вздрогнул, будто его ударили.

– Время для новой лекции, Змей, – повернулся дон к Антонио. – Расскажи ему, кто он. Расскажи все, что знаешь. Уверен, твоих скромных знаний по этой теме вполне достаточно для лилу. Пусть, наконец, поймет, чем он отличается от людей.

И Антонио ответил так, как тысячелетиями отвечали в Доме Гильяно, когда приказывал дон:

– Слушаюсь, дон Гильяно.

Глава 5. Дом Гильяно

Во все времена Дом Гильяно был лучшим домом на свете. В нем жили самые счастливые мальчики, которые мечтали занять место дона Гильяно и стать главой Дома. В нем жили самые счастливые девочки, которые мечтали выйти за своих избранников в Свадебный День Гильяно. В нем жили их родители, которые верой и правдой служили своему дону. И в нем жил дон Гильяно – защита и глава Дома.

В стене, что окружает владения Дома Гильяно, есть калитка чугунного литья. Говорят, когда-то в стене были и ворота – их открывали всего раз, после чего заперли навсегда и, наконец, заложили кирпичом. Стена тянется вдоль всех угодий Гильяно, но ее почти не видно – так велика территория Дома.

В калитку можно пройти только по одному.

Вокруг дома разбит цветник. В нем растут розы. Каждый из Дома Гильяно может посадить розовый куст и ухаживать за ним. Не все делают это, но все знают, что лучшее удобрение для самых прекрасных на свете роз – кровь.

Тот, кто хоть раз побывал в Доме Гильяно, тоскует по нему и хочет вернуться. Тоска по Дому как сильная боль, и мучает она беспрестанно. Но в награду за эту боль на каждого, кто хоть раз побывал здесь, на протяжении всей его жизни продолжает действовать магия Дома Гильяно. Дом дает силу и сдерживает чуждые порывы.

Быть Гильяно означает больше, чем быть просто человеком. Сильные чувства – вот их дар и проклятие. Ненависть Гильяно кипуча и яростна, как волны океана. Их гнев – как гроза. Их радость – как солнце. Их любовь вечна, как Вселенная. И чтобы питать их страстные чувства, чтобы поддерживать их юность, которая цветет, как бесконечная роза, им дана была Книга сказок Дома Гильяно, а чтобы обуздывать гнев и ярость – Закон. И каждого, кто нарушал Кодекс, дон Гильяно должен был убить. Для этого он всегда носил при себе нож.

В ясные дни, когда небо сияет, будто сложенное из голубых топазов, завтрак накрывают на террасе. За круглые столы садятся по пять человек. Стол дона Гильяно в центре террасы, от него кругами расходятся столы Дома, и каждый знает свое место. Но также каждый знает, что он волен выбрать любое иное, то, которое подходит ему больше, если он так считает. Но есть места, которые ты выбрать не можешь, потому что не готов отвечать за свой выбор.

С террасы по ступеням можно спуститься к бассейну. Он выложен чуть голубоватой, почти белой плиткой, но вода в нем почему-то всегда такая синяя, как глаза тех, кого называют демонами Дома Гильяно.

В тот день казалось, что зря завтрак накрыли на открытой, подвластной четырем ветрам террасе. Сгущались тучи, собирался дождь. Но Служители следовали Кодексу Гильяно: «Когда в доме гость, завтрак накрывают на террасе. Потому что есть много свободных мест, а он должен выбрать одно».

Гостем был тощий мальчишка в линялой футболке и шортах хаки. Он затравленно озирался. Он был чужаком. Среди щеголеватой, изысканно одетой публики он выглядел оборванцем.

На пальцах женщин сверкали бриллианты, в петлях рукавов мужских рубашек горели изумрудные, рубиновые запонки. Из всех мужчин кольцо носил только дон Гильяно – старинный серебряный перстень с темно-синим сапфиром. Свободных мест было много. Но мальчишка никого не знал из этих людей, кроме дона Гильяно, и он прошел через всю террасу, чтобы сесть за его стол. Никто не пошевелился, никто не выказал удивления. Но мысленно каждый вздохнул с облегчением: вот, наконец, кто-то взял на себя ответственность сесть рядом с доном Гильяно. Одиночество хозяина Дома могильной плитой давило на всех, но никто не решался сделать и шага по направлению к его столу. И вдруг чудом их тревоги развеялись.

Когда мальчишка сел за стол дона Гильяно и заговорил с ним, пожелав ему доброго утра, домочадцы Гильяно с удивлением и радостью обнаружили, что дождь их за завтраком не застанет: один из четырех ветров разогнал тучи, и небо стало чистым, как умытые глаза ребенка.

«И у Бога бывают плохие дни», – говорил иногда дон Гильяно. Но сегодня был не такой день. День был хороший.

* * *

Во все времена Дом Гильяно обладал своим лицом и своим голосом. Его лицо – в прожилках мрамора и волокнах древесины, в узорах мозаик и фресок. Его глаза – окна. Его рты – порталы дверей. Его вены – коридоры, тайные и явные ходы, пронизывающие тело Дома. Его сердце в Башне, оно стучит в груди дона Гильяно и отмеряет распорядок дня. Его смех – звон бокалов. Его слезы – горьки, как вода в океане, и красны, как кровь. Его вздох и стон – дыхание древнего органа в Белой Зале. Его слова – в пронзительном пении половиц, скрипе ставен, глухом ворчании камней в стенах. Его голос – это голос Закона. А строки Закона тверды, как была тверда рука, начертавшая их. Эти строки тяжелы, как камни, из которых сложены стены. Главы Закона непреклонны и обязательны. Закон требует. Закон повелевает.

Календарь Гильяно движется по кругу, один семейный праздник сменяется другим. Ничто не способно нарушить этот круговорот. И, прежде чем постичь все науки, каждый Гильяно должен затвердить наизусть Календарь, принять его, впустить под кожу, растворить в крови, жить по нему и не помышлять об ином.

Как кольца чудовищного змея, сжимаются круги иерархии Дома Гильяно, чем выше, тем малочисленнее. И если армия дальнего круга Служителей, или Червей, весьма обширна, то Стражей, или Львов, первого круга всего пять плюс несколько учеников, которых готовят на смену.

Ашеру Гильяно повезло – он родился в Доме Гильяно. И, как все мальчики Дома Гильяно, он мечтал о вполне конкретных вещах:

- преподнести лучший подарок в День рождения дону Гильяно;
- достичь круга Стражей Дома Гильяно;
- быть в первой или последней паре в Свадебный День Гильяно.

Но самой большой мечтой его было стать доном Гильяно. В Ночь Фортуны получить нож и кольцо. А утром занять место дона Гильяно за центральным столом.

Ради этого все мальчики Гильяно живут, совершают подвиги, добиваются любви прекрасных женщин, терпят лишения и всегда возвращаются домой. Они все очень хотят выиграть. Но знают, что победителем может быть только один.

Этому счастливцу нельзя сделать ни одного неверного шага к вершине имени Дома Гильяно. Он не имеет права на ошибку. Он не имеет права на сомнение. На отдых. На колебание. На отступление. Он должен видеть перед собой единственную цель – место дона Гильяно – и идти к ней. И он не может сожалеть ни об одном из своих решений, потому что каждое из них – правильное и каждое из них на шаг приближает его к цели.

Не в каждом поколении Дома Гильяно рождается такой герой. Задача дона Гильяно – дожидаться его. Он один-единственный, и дон Гильяно сразу узнает этого человека. Если ждать придется слишком долго, то при встрече с преемником хозяин Дома почувствует облегчение, ведь ноша его тяжела, он только и ждет момента, когда можно будет передать ее.

* * *

Постороннему человеку трудно попасть в Дом Гильяно. Право на вход дает только приглашение дона Гильяно либо предложение руки и сердца одного из тех, кто принадлежит к

Дому. Когда сюда пришел Ян Каминский, у него не было с собой приглашения, а это могло означать только одно – его жизнь и смерть отныне зависят от решения дона Гильяно.

Гильяно славился своим умением принимать решения. И какими бы те ни были, никогда не жалели о последствиях. Человек может взять судьбу в свои руки и даже совершить убийство, если сочтет нужным, считали они. Больше всего на свете Гильяно ценили право выбора, в то время как большинство людей предпочитали, чтобы за них принимал решения кто угодно, только не они сами. Например, Бог, который бы определил: это – добро, а это – зло. Или родители, которые бы сказали, что хорошо, а что плохо.

Люди утратили волю. Веками они теряли ее по капле и вот исчерпали до дна. Они научились делать выбор. Так считали в семье Гильяно. Они считали, что люди отказываются от своего права на выбор всякий раз, когда утверждают, что их прародители – Адам и Ева – совершили грех, преступив волю Бога, нарушив его запрет. Нет, говорят Гильяно, эти древние люди совершили величайшее открытие. Память об этом открытии жива лишь в Доме Гильяно, а потому только Семья достойна дара Великого Садовника – дара вечной жизни.

Первые люди оправдали ожидания Бога. Они были героями, великанами. Они были неотделимы от природы, как камни и скалы. Они ни в чем не нуждались и даже не знали, в чем могут нуждаться. Единственное, что от них требовалось, это исполнить волю Бога, а они выразили свою волю и преступили Закон.

Эти люди были самым совершенством, истинным творением Бога, потому что оказались равны ему. Они покорились не его выбору, а сделали свой. Бог замер в восхищении, его план удался. Но первые люди устыдились своего выбора, своей смелости. А значит, устыдились своего Творца. Ведь они думали, что совершенны, а оказались непослушными детьми... Бог выслушал их, вздохнул, дал им Закон, как жить дальше, и удалился в Сад растить розы.

Такой была одна из сказок Дома Гильяно.

* * *

Кто бы мог подумать, что дон Гильяно – островитянин! Вообще-то на остров семья переехала чуть меньше года назад, до этого Дом клана Гильяно находился недалеко от Неаполя. А поместье на Ланке стояло заброшенным с XVII века. Дом сохранился, но в каком же он был упадке! До сих пор шли ремонтные работы, во многих спальнях еще только завершали отделку. Полностью восстановили первый и третий этажи. Заросший джунглями сад пришлось разбивать заново. Благо на острове достаток пресной воды, лужайки и кусты зазеленели через месяц, зацвели розы. Полосу пляжа, примыкавшую к поместью, ограничивал риф, а с другой стороны – изгиб труднопроходимых джунглей, но даже без этих естественных барьеров на пляж Гильяно никто бы не стал соваться – местные считали территорию запретной. Хоть за века память о грозном семействе стерлась и выветрилась, остались легенды и суеверные страхи. В пользу Гильяно говорило и народное поверье о том, что в заброшенных домах живут злые духи.

Но с тех пор, как началась реставрация и ремонт, злых духов, похоже, в доме только прибавилось. Они с утра до вечера таскали стройматериалы, шумели и пилили. Джунгли мягко скрадывали грохот стройки, но люди в деревне неподалеку в тревоге прислушивались и вздрагивали, когда ветер доносил до них резкий звук. Дом Гильяно не мог принести на остров добро. Эту истину в ланкийских семьях передавали из поколения в поколение, и Гильяно здесь видеть не желали. Вот только хозяева Дома ни у кого разрешения не спрашивали. Они владели этой землей, и они решили вернуться.

Дом Гильяно перемещался в пространстве вместе со всей семьей, со всеми законами и традициями, даже с костями мертвецов. Мебель, кухонная утварь, постельное белье, занавеси, ковры, ширмы – все грузилось на корабль и путешествовало со своими владельцами. Дом на новом месте был один в один таким же, как дом прежний, спальни распределялись таким же

образом, как раньше, и обставлялись в точно таком же стиле и точно такой же мебелью, как в Доме на берегу Неаполитанского залива.

После девятичасового перелета в аэропорту Вайнеров никто не встретил, пришлось взять такси, чтобы добраться до южного побережья. Сумерки сгустились, как чернила, и перешли во влажную тропическую ночь. Так что к поместью Гильяно гости доехали уже в полной темноте. Таксист принял деньги, но наотрез отказался помогать с чемоданами. Выгружая багаж, он понес по-английски какую-то несуразицу, понятно было только то, что он не хочет и не может заходить в ворота, потому что там живет «большой человек», и вообще ему нужно убраться отсюда немедленно.

Не было ни привратника, ни сторожа, ни звонка, чтобы вызвать прислугу, да чего уж там – не было и ворот как таковых. Только две облупленные колонны, которые венчали львы с недружелюбными мордами – так казалось в свете автомобильных фар, – и высокая стена вправо и влево от колонн. Машине не проехать, значит, предполагалось, что гости должны идти к дому пешком. Вайнеры растерялись. Элен злилась: в любой заминке, в каждой трудности этого путешествия ей виделось намеренное пренебрежение, козни семьи Гильяно.

Таксист воспользовался моментом и удрал, так что теперь они оказались в кромешной темноте, лишь за воротами дорогу обозначали редкие фонари. Похоже, их задачей было не освещать дорогу, а указывать путь. Ада предложила Марку и Элен идти в дом, в то время как сама она посторожит багаж – не от людей, которых и видно-то не было, а от обезьян, о любопытстве и проворстве которых предупреждают каждого, кто въезжает на остров.

– Не боишься? – спросил Марк невесту.

Ада улыбнулась в ответ:

– Идите. Я в порядке.

Но, когда мать и сын прошли за «ворота», ей показалось, что стена отделила ее от них. Она видела их спины, но ощущение было таким, будто между ними пролегли тысячи километров. Стояла теплая ночь, но Ада поежилась, как от внезапного холода. Вдруг подумалось: вот они приехали к тайному правителю, жестокому и могущественному, вступая на территорию владений которого, ты отдаешь ему свою волю, он становится твоим господином и может в любую секунду потребовать твоей смерти.

Тропический лес жил неумолкаемой жизнью: кто-то стрекотал, шелестел и вздыхал в ветвях. Ада прижалась спиной к стене, чтобы хотя бы сзади не ждать нападения неспящей мартышки или змеи. «Интересно, водятся ли тут большие змеи вроде питона или анаконды? А хищники? Тигры? Они ведь охотятся ночью, – перебирала она в голове. – Дикая слоны есть – это точно. Но слон ведь не кабан, он не бросится на тебя с разбега. А если бросится, то можно не беспокоиться о дальнейшем: мокрого места от тебя не останется».

Но случилось нечто более жуткое, чем нападение бешеного слона: черные тени вышли из ворот и окружили ее. И если бы они быстро не подхватили чемоданы, закричала бы, ей-богу. Пока мрачная процессия двигалась к дому, она пыталась с ними заговорить, но черные тени упорно молчали.

Дорога повернула – и открылся вид на Дом Гильяно в окружении пальм. Ни малейшего сходства с «Приемной Бога» Магритта. Светятся окна на последнем этаже высокой башни. От богато украшенного лепниной фасада расходятся скошенные назад крылья. Первый этаж прячется за частоколом колонн, второй – под черепичным козырьком. Понятно – защита от солнца. Оно, наверное, здесь никого не щадит. Массивная входная дверь. И запах... то ли гнили, то ли затхлости встречает на пороге. Где-то далеко слышался рокот голосов. Еще Ада успела заметить неглубокий пятиугольный каменный бассейн без воды прямо посередине холла. Слуги повели их: ее с Элен налево, Марка – направо. Спальню Ада не рассматривала, к ужину на подносе не притронулась, разделась – и сразу нырнула в постель. Простыни успокаивающе пахли лавандой, и она тут же уснула.

* * *

5.15 – первый час.

В Доме Гильяно не было часов. Ни электронных, ни механических, ни водных, ни солнечных, ни цветочных. Здесь не вели счет времени. Но в одной из древних книг Кодекса было записано: «5.15 – есть час первый, час Служителей Дома Гильяно. Они просыпаются первыми, а все остальные домочадцы – вслед за ними». Мальчики и девочки, одетые в черное, Служители Дома Гильяно, в этот час проходили по этажам, заглядывая в спальни и открывая окна. Только они знали, что творится за закрытыми дверями.

Аромат роз, словно настоявшийся в саду за ночь, врывается в распахнутые окна и окутывает спящих тонкими одеждами душистого наслаждения. Все спали, спали беспробудным сном, как двор принцессы Шиповничек. Спали, не видя сновидений, еще раз переживая во сне уже прожитый день. И когда они открывали глаза, им казалось, что они и не спали вовсе, что жизнь их – вечное бодрствование. Ночь – лишь досадное недоразумение в череде прекрасных дней. Запах роз будил их. Поднимал с постели. И они вставали с ясными лицами, будто уже умытые розовой водой. Их волосы благоухали, глаза улыбались. Они были готовы к новому дню. Дом приходил в движение.

«И будет Дом разделен, как разделен род человеческий. Левая сторона будет принадлежать женщинам, правая – мужчинам. Мужчины смогут приглашать женщин в свои покои, а женщины вольны будут соглашаться или отклонять их предложения. Но ни один мужчина – принадлежит ли он Дому Гильяно или является его гостем – не ступит на женскую половину Дома. Право входить на женскую половину принадлежит только дону Гильяно».

С мужской половины на женскую переходили девушки и женщины в разноцветных пеньюарах, отделанных кружевами, украшенных бриллиантовыми нитями, стразами, расшитыми золотом и серебром. Это Служители каждое утро выбирали из их гардеробных утренний наряд, когда приходили проветривать пустующую спальню, и приносили пеньюар его владельцу. По вечерам Служители зорко следили за Церемонией приглашения, чтобы не перепутать наряды и двери.

«Женщина должна входить в комнату мужчины с пустыми руками и не выходить из нее во вчерашнем платье» – этот Закон Служители соблюдали строго. Они приносили пеньюары, забирали вчерашние платья. Дамы приводили себя в порядок в женских комнатах, а затем спускались к завтраку.

* * *

Ада открыла глаза. Со всех сторон ее окружал белый прозрачный полог. «Красиво, – пришла первая восхищенная мысль. – От москитов!» – сообразил прагматичный ум в следующий момент. Она перевернулась на живот, вдохнула запах простынь. Как чудесно после проклятого самолета оказаться в удобной постели. «Раздельные спальни – так старомодно, – подумала она. – Дон Гильяно, похоже, человек моральной закалки позапрошлого века». Но Ада была благодарна старомодному дону за то, что он позволил ей отлично выспаться, не тратить силы на разговоры или, не дай господи, на что-то большее. Марк был неплохим любовником, не его вина, что их предпочтения в сексе не совпадали. Ада делала вид, что ее все устраивает.

Наверное, надо встать. Кто знает, какие в этом доме порядки! Да и, честно признаться, есть хочется. Она откинула полог. Комната – «корабельный сундук». Деревянные пол и потолок, стены выкрашены в кофейный оттенок, на гвоздях висят волосатые, зубастые маски. Не страшные, просто слишком экзотические. Вместо скамьи у кровати – три голубых разновеликих чемодана, сложенных один на другой, в медных клепках, с плетеными ручками. Комод –

резной, пузатый, стол-бюро со множеством выдвижных ящичков. Туалетный столик на гнутых ножках, плетеная банкетка. Ада тут же подскочила, чтобы взглянуть на себя в зеркало. Но зеркала не было. Пустая рама, по краю которой извивались розы и змеи. Протяни руку – коснешься стены.

Заглянула в ванную, но там на стене вместо зеркала сиял лист желтого, отполированного до блеска металла. Ада тусклым призраком без особых примет отразилась в нем. Видно, конечно, что нос у тебя не в саже, но как сделать макияж в таких условиях? Краны медные, ванна на львиных лапах. Мыло и шампуни с розовым маслом.

Вчерашнего подноса с ужином в спальне не было, значит, кто-то заходил сюда, пока она спала. Определенно заходил и пробыл не пять минут – все ее вещи были разобраны, платья отглажены, белье сложено, обувь расставлена. Она даже не вышла на балкон полюбоваться видом – кофе... ей определенно нужна огромная чашка кофе!

Наверное, она встала слишком рано. Торопилась и даже не взглянула, который час. Постояла на галерее второго этажа. Вернуться? Сойти вниз и осмотреться? То, что она вчера приняла за бассейн без воды, – выложенная камнем, углубленная в полу площадка непонятного назначения: пять углов, пять граней. Ада не решилась ступить прямо на дно, обогнула слева, по деревянному полу.

Витые индийские колонны кругом, кожаные диваны, ширмы, расписанные яркими птицами и зверями. Заглянула за ширмы – и угрюмый коричнево-красный интерьер взорвался сине-белым китайским фейерверком. Белый камин, рядом с ним высокие расписные вазы синего стекла. Белоснежный трон рядом. Пушистый ковер, по нему раскиданы подушки, стоят низкие кресла, а на стене и на каминной полке – множество фотографий. Она не успела опомниться, как отыскала знакомое лицо. Ее взгляд уперся в него. И Ада заплакала. Она стояла в волшебной гостиной, расписной как китайская шкатулка, и плакала, глядя на снимок Ашера Гильяно. Таким она его не знала: молодой парень с белозубой улыбкой, но взгляд такой же огненный, непримиримый.

– Привет, – раздался женский голос рядом. – Скорбное место. Сама тут все время чуть не плачу.

Ада быстро вытерла глаза. Рядом с ней стояла... Девушка? Женщина? Возраст трудно было определить. Изумрудное платье-футляр с золотой брошью у сердца. Волосы уложены в высокую прическу.

– Не знаю, что на меня нашло. – Ада попыталась сказать это тоном, полным недоумения.

– Здесь на всех что-то находит. Мемориальная гостиная. Все равно что кладбище. Кстати, меня зовут Анжелин, Анж.

– Ада.

– Пойдем. Все, наверное, уже собрались на террасе.

* * *

Ада растерялась, когда увидела террасу Дома Гильяно. Круги накрытых столов, ветер перебирает складки скатертей, как струны арфы. Звон посуды вплетается в пчелиный гул застольных разговоров. Элен махнула ей рукой. И Ада присоединилась к ней и Марку. Столы были накрыты на пять персон, но они сидели втроем.

Кофе оказался отвратительным. Горьким, с ощутимым привкусом гнили. А ведь ни за что не скажешь, пока не попробуешь. Когда его наливали из фарфорового кофейника в чашку, благоухал, как напиток королей. На вкус – помои. Капучино у них не подавали. Пришлось кинуть в чашку три куска сахара и залить это безобразие молоком.

– Чай пить безопаснее, – пододвинул к ней чашку Марк. Чай был хорош: свежий, цейлонский, крепкий, отличная альтернатива ужасному кофе. – Кофе у них местного сорта «либе-

рика», – объяснил он. – Во всем мире его и за кофе не считают, технический сорт, добавляют в смеси для аромата.

– Представляете, у меня пропали все зеркала, – поделилась новостью Ада. – Маленькое, из косметички, и даже из пудреницы!

– Наверное, при перелете в багаже разбились, – безмятежно предположила Элен.

– Но тогда остались бы осколки. Вы бы видели зеркало в моей спальне – пустая рама! А в ванной – лист металла!

– Лично я нашла элементы интерьера весьма оригинальными, – пожала плечами Элен. – Под старину.

Ада сразу поняла, кто на террасе дон Гильяно: оплывший, грузный мужчина за центральным столом, смотрит из-под седых бровей, как будто готов сердце из тебя вынуть. С ним старались не встречаться взглядом. Все делали вид, будто его и нет. На самом деле, старались вести себя так, чтобы не вызвать его неудовольствия. Террасу он покидал последним.

Дона Гильяно можно было увидеть еще и вечером. Весь день он проводил в своем рабочем кабинете в той башне, что возвышалась над фасадом. Вечером дон присоединялся к обществу около половины восьмого. Ужин по колониальной привычке называли обедом. С пяти пили коктейли.

17.15 – час коктейлей, как записано в Кодексе Гильяно.

Пили коктейли и наблюдали закат. В начале седьмого солнце закатывалось быстро, как золотой в карман. В небе повисали раскаленные докрасна гамаки. Они сочились кровью, и кровь неспешно заливала весь горизонт. Ада никогда не видела подобного заката. Честно признаться, до Ашера она редко обращала внимание на то, как садится солнце. Разве что заметишь, как в окнах мелькнул оранжевый луч. Стемнеет – включишь свет, вот и все. Здесь же люди салютовали уходящему солнцу, они провожали его, как в последний путь. И все знали, что дон Гильяно наблюдает за закатом из своего кабинета.

После заката старались без нужды не выходить из Дома. А уж тем более не подходили к воде. Ужинали шумно и всегда в столовой. Дон Гильяно – во главе стола. Это за завтраком каждая семья, каждая группа жила сама по себе, за ужином все были вместе. И разрешалось садиться куда угодно. Не было правил. И ты не выбирал себе место раз и навсегда, как на террасе. Ты мог сесть по правую руку дон Гильяно, мог – по левую. Можно было занять место в самом конце стола или посередине. Был шанс познакомиться с новыми людьми, поболтать на разные темы, посмеяться новым шуткам. Аде понравилось это время.

Ни телевизора, ни радио... Компьютеры в Доме под запретом, ни одной газеты Аде в руки не попадало. «Расслабься, ты на отдыхе», – успокаивала она себя. Они с Анжелиной загорали на пляже, плескались в прибое. Плавать невозможно – слишком большие волны, а бассейн для взрослых только-только начали выкладывать плиткой («За год не сподобились!» – яростно сверкая глазами, кипятилась Анжелина). Жара угнетала, а в детском лягушатнике всегда было битком. Чтобы почитать книгу, нужно было обращаться к дону Гильяно, и он, на свое усмотрение, выдавал том из библиотеки.

– Он мне какого-то доктора Спока однажды выдал! – пожаловалась Анж. – Думала – про космических пришельцев, оказалось – про воспитание детей.

У Анжелины и Андре де Кавальканти было двое детей: шестилетняя дочь с таким пышным и труднопроизносимым именем, что все звали ее просто Лола, и годовалый сын Альфи.

– Скукота, – заунывно тянула Анж. – Хоть вы приехали! Пока молодежь не подтянется, здесь будет невыносимо. Невыносимо! – повторила она, повысив голос, когда мимо них проходил мальчик-Служитель. – Принеси нам выпить, кувшин мохито принеси, – отдала она распоряжение, мальчик тут же умчался его выполнять. – Поверь мне, ужасно жить безвылазно в Доме! Ладно еще дети – им много не надо. Но взрослые! Это все равно что похоронить себя заживо. Дом к Ночи Фортуны украшать – вот и вся их радость.

– Ты живешь здесь постоянно? – спросила Ада.

– Пришлось, из-за детей.

Откровенность Анжелин возрастала с каждым выпитым коктейлем. Она гоняла малолетнего прислужника в хвост и в гриву, требуя новых напитков.

– Мы ведь с Андре не Гильяно, как ни крути. Хоть из шкуры вон выпрыгни, никогда нам Гильяно не стать. Гильяно можно только родиться. Эту фамилию даже не получишь, выйдя замуж. Очень редко они женятся не на своих, но и тогда за женой остается ее девичья фамилия. А родившихся от такого брака детей они тоже делят на Гильяно и не Гильяно по одним им известным признакам. Но такие браки с «пришлыми» – раз в столетие, может, случаются. Я ни одного не помню. Обычно мальчики Гильяно «приглашают» только девочек Гильяно.

Еще один коктейль со всхлипом сдался. Анжелин продолжала болтать:

– Вся беда в том, что для мальчиков иных фамилий очень важно «принадлежать Дому Гильяно», а это значит родиться и вырасти в этом Доме, иначе их не считают полноправными членами семьи. А вот рожденных здесь девочек можно, после того как им исполнится три года, забрать из Дома, все равно их ждет брак с кем-то из семейного круга. Но мальчики должны до совершеннолетия жить в Доме и получить соответствующее воспитание.

Дон Гильяно требовал, чтобы матери находились при детях, потому что ребенок без матери – что шлюпка без руля.

– Вот и пасу свое дорогое чадо мужского полу на просторах колониального Дома Гильяно, – вздыхала Анж. – Девочки – другое дело, им достаточно выйти замуж за кого-нибудь из семьи, чтобы получить все права.

За пределами Дома Гильяно Анж уже один раз выходила замуж за невероятно скучного человека, у которого от первого брака остались двое мальчишек. Но она так издергала этого мужчину требованиями о подарках, бриллиантах и мехах, а также столь явно изменяла ему со своим кузенком Андре де Кавальканти, что муж поспешил сбежать в неизвестном направлении.

– А какую рождественскую открытку я подписала этому неотесанному деревенщине! – говорила она, имея в виду своего первого мужа. – «Мужик, прими мои поздравления и пожелания новой шубы в Новом году!» И я получила новую шубу. Котиковое манто. Безумно роскошный мех!

Сдав пасынков в приют, Анжелин устроила судьбу с Андре, правда, этого повесу удалось приструнить только сообщением о внезапной беременности. До рождения сына они жили в маленьком городке, Андре работал на благо Дома Гильяно (Ада так и не поняла, чем именно он занимался), а с женой постоянно ругался из-за ее неумеренных запросов.

– Бриллиантов тебе мало? – кричал он, размахивая бокалом виски и щедро орошая напитоком пол вокруг себя. – А на какие шиши, позволь, я тебе достану бриллианты? Кто оплатил тебе дурацкий ремонт? Ручки дверные бриллиантовые ты за чей счет поставила? Вот теперь открути их, возьми в руки и ходи!

Элен находила новую подругу Ады вульгарной, Марк считал, что Анж просто отвратительна, но Аде нравилась эта женщина. С ней было весело. С остальными дамами Дома Гильяно ей не удалось наладить отношения. Истинные женщины – фонтан женских гормонов, непредсказуемы, как стая обезьян. Они добиваются твоей дружбы, выведывают твои секреты, уведят твоего парня и напоследок втыкают нож сарказма в твою спину. Сначала они скорбят вместе с тобой, потом тебя оскорбляют. Они хитры, вероломны, прикидываются воспитанными и тонкими. Анж не прикидывалась. Она была как на ладони. Грубая, насмешливая, неуравновешенная. Алкоголь же приводил ее в состояние какого-то мистического откровения, будто ей в напитки по капле подливали настойку опиума:

– Ты думаешь, Дом Гильяно – обычный дом? Особняк на берегу океана? Чушь! Не просто дом, а существо архитектурной формы жизни! – И она откинулась на пестрые подушки, чтобы полюбоваться произведенным эффектом. Ада сделала удивленное лицо. Анж была довольна. –

Здесь происходят странные вещи. Очень странные. Настолько странные, что эти вещи все предпочитают не замечать. Разум не в силах объяснить, что здесь творится. У этого дома есть имя. А мы все только принадлежим ему. Он строит себя из нас, как из кирпичей. Он дышит, он перемещается вместе с нами по свету. Но не мы нужны ему. Мы – так... стены, полы и потолки, нечто неодушевленное, а ему нужна душа. Душа Гильяно. Ему нужна сила. Ему нужны чудеса. Но сила и чудеса ушли из этого дома. Представляешь, раньше под этой крышей не старели. Да-да... Старость не наступала в Доме Гильяно. И был смысл в том, что все эти тупоголовые мамаш сидели в Доме, – они же хотели сохранить молодость. Ха-ха, некоторые даже верят, что прежние времена вернуться. Не слушай меня – вранье полное, когда напьюсь, хочется кого-нибудь одурачить. Вот погоди, услышишь еще сказки из Книги!

Неудивительно, что ни Марк, ни Элен не выдерживали ее театра.

* * *

Ада помнила, что положила таблетки в сумку. Их ведь нужно принимать регулярно. Она все перерыла. Безрезультатно. То ли она их потеряла, то ли их кто-то стащил. Завтра она сходит в аптеку.

Анжелин ее просветила – контрацепция в Доме Гильяно под запретом!

– А как поддерживать постоянное количество слуг? Чужих в дом не допускают. Прислуживают, как правило, дети. Вот и подумай, откуда они берутся, – задала ей задачку Анжелин. – Служители изымают все презервативы, все таблетки после первой же ночи, которую проводят гости в Доме Гильяно.

– Они роются в вещах?

– И в карманах, – подтвердила Анж. – Как только мы с Андре не прятали презервативы! Никогда не удавалось оставаться их владельцами дольше суток. Правда, иногда можно отыскать парочку в мусорном ведре на кухне. Но представь, что скажет дон Гильяно, когда ему донесут, что ты прокралась на кухню и рылась в помойке?! А Служители ему донесут, ведь он – главный гарант продолжения рода Гильяно! Позор, да и только. Знаешь, сколько детей у донна Марко? Дочь от законной супруги и трое от секретарши. А сколько от остальных женщин Дома Гильяно, я уже и со счета сбилась! Ведь по Закону дон Гильяно может спать с любой женщиной в Доме и любая может родить от него ребенка.

– Возмутительный закон!

– Крайне возмутительный! – согласилась Анж. – Эти доны такие развратники! И тебя он не обойдет своим вниманием, дорогуша. Спорим, он уже на тебя облизывается. Совет на будущее: если планируешь стать принадлежностью Дома Гильяно, постарайся как можно быстрее забеременеть, беременных женщин дон не трогает и молодых мамаш тоже. Но если ты и после родов сохранишь столь же великолепную фигуру, познакомишься с ним очень близко.

– К тебе он приходил?

– Посещал меня дважды, пока я не забеременела Альфи, – скользнула по опасной теме Анжелин, и тут же выражение тревоги за судьбу Ады вновь возникло на ее лице. – И еще один момент: дону Гильяно ты не имеешь права отказать, не то что всем остальным.

«Никто не знает, где находится спальня донна Гильяно. Он всегда бодрствует, и никто не знает, когда он спит. На ночь он выбирает себе спутницу. И всегда покидает ее спальню до рассвета».

Женщины Дома Гильяно имели право отказаться от близости без объяснения причин. Никто их за это не наказывал, их слово было законом, и отказ не обсуждался. Приятно осознавать, что выбор зависит от тебя. И Ада не отказала Марку, когда он по примеру остальных мужчин в холле опустился перед ней на одно колено и произнес: «Марк Вайнер приглашает синьорину Аду провести с ним ночь под сводами Дома Гильяно. И пусть никто не знает,

что творится за закрытыми дверями». Она шепнула: «Согласна», хотя могла бы отрицательно покачать головой, протянула ему левую руку с кольцом. И он, по обычаю Дома, коснулся лбом тыльной стороны ее ладони.

Некоторые женщины жалуются на отсутствие прелюдии. Мол, не успевают возбудиться, мужчины слишком спешат. Им бы в постель к Марку Вайнеру – интересно, сколько бы они продержались, перед тем как рвануть обратно к своим мужьям-скорострелам? Марк Вайнер... вот уж кто не спешит, а продлевает прелюдию часами. Ада готова была взвыть, грязно ругаться и кричать: «Да засади, в конце концов, ты, сукин сын!» Он не любил передавать инициативу, как правило, ее выступление было лишь частью его грандиозного спектакля. И все-то он делал правильно, и дрожь возбуждения пробежала по телу, и было приятно, и тысячи женщин молились бы на него... но после Ашера ей было нужно другое. Чтобы сильный мужчина без разговоров и околичностей сжимал ее в объятиях, чтобы чувствовать его тяжесть, подчиняться его бешеному ритму. А не стонать и умолять Марка: «Ну, пожалуйста, войди в меня!» – его еще не один час приходилось уговаривать. Каждый раз она чувствовала себя марафонцем, который бежит и бежит, а финиша не видно. Ему был присущ какой-то сладострастный садизм, без всякой там жестокости. Он любил смотреть, как она изнемогает от его ласк, которые ни к чему не приводят, а когда приводят, то, как правило, к этому моменту все эмоции настолько перегорели, что она нечеловеческим усилием воли заставляла себя не спать.

А еще он любил рассказывать, предвосхищать «удовольствие», которое ее ждет, стоит ночи опуститься на город. И в ресторане мог не меньше часа или даже двух расписывать, как все будет происходить в спальне. Уже одни его слова набивали оскомину, а потом (сюрприз, сюрприз!) повторялись в точности до жеста. «Да что с тобой такое! – хотелось долбануть его кулаком. – Это я уже знаю. Давай придумаем что-нибудь еще!» Но молчала, ведь любую попытку спонтанной импровизации он воспринимал как личное оскорбление.

Не беда, если бы он реализовывал свои фантазии утром или днем, но в светлое время суток у него находились сотни дел и никогда не было времени для секса. Утехи он неизменно приберегал на ночь. А ведь ночью иногда хочется всего лишь пять минут близости, чтобы сбросить напряжение, расслабиться и уснуть. Но с Марком сон мог не прийти до рассвета. Поэтому сто раз подумаешь, прежде чем соблазнять его и начинать всю эту волынку.

Ну а в остальном – клад, а не мужчина. Вежливый, предупредительный, ненавязчивый. С ним можно с легкостью прожить годы.

– Тебе не кажется, что наш роман изначально был слишком предсказуем? – спросил ее Марк. Ада напряглась – ничего хорошего не сулят такие разговоры. – Познакомились на выставке, начали встречаться... И у меня возникает вполне законный вопрос: почему я? Тем более когда ты плачешь в Мемориальной гостиной. Там есть кто-то, с кем ты была знакома? Вас связывали сильные чувства? Длительные отношения? Скажи мне, что я о тебе не знаю?

«Вот оно, признайся, – подзуживал внутренний голос. – Самое время».

Но снова навалилась слабость, охватило безволие. Придется выслушивать упреки, что-то решать, скандал накануне семейного праздника – позор.

– Кто тебе рассказал? – вскинулась она. А ведь можно было поломать комедию: «Я? Плачу? В Мемориальной гостиной? Ты меня с кем-то спутал...» Но у Ады были свои правила. Если хочешь что-то скрыть – будь искренней.

– Твоя болтливая подруга Анжелин. Она сказала это, желая подчеркнуть твою чувствительность. Согласен, гостиная – скорбное место, но никто не плачет по чужим мертвецам. Если этот кто-то в своем уме и ничего не скрывает.

Аду тянуло в Мемориальную гостиную, там был спрятан ее магнит, и она плакала, глядя на его фотографию.

– Это не из-за кого-то... В Мемориальной гостиной я плачу, потому что у этих людей есть семья, даже после смерти у них есть семья, и они остаются в семье. У меня не было семьи и дома не было. Мою фотографию не станут так хранить после моей смерти.

И Марк посмотрел на нее, как смотрел только Марк. Он вырос без отца, он боготворил его и ненавидел, и ничего не мог сделать, чтобы отец им гордился или хотя бы просто пришел на обед.

– У тебя будет семья, я тебе обещаю. Она уже у тебя есть.

И все-таки он был хорошим человеком, этот Марк Вайнер. Будь он настоящим Гильяно, у него не осталось бы шансов стать хорошим.

* * *

Глянцевые улыбки на фотографиях в Мемориальной гостиной сияют безмятежностью. Эти люди улыбаются, потому что еще никогда не умирали по-настоящему. Но им пришлось умереть, на память остались лишь фотографии. Теперь в Доме Гильяно умирали не только те, кто должен был уйти. Уходили не только те, кто засыпал с улыбкой на губах, чтобы вновь проснуться в новом теле. Уходили самые сильные, самые живые, самые счастливые мальчики и девочки Дома Гильяно. Смерть забирала лучших.

Когда-то Дом Гильяно действительно был самым желанным местом на свете. До тех пор, пока Дом не посетили болезни, а затем и смерть. Могущество Дома Гильяно обеспечивали лилу – сторбленные дети-старички с сапфировыми глазами и с серебряными волосами. Их называли «драгоценностью Дома Гильяно». Их никогда не рождалось много, но всегда было достаточно. Лишь перед тем как один дон сменялся другим, лилу становилось меньше. И это был знак для правящего дона Гильяно, что настала пора уходить.

Лилу обеспечивали домочадцев Гильяно вечной жизнью без болезней, без тревог и без боли. Они выполняли еще десятки различных мелких поручений, чтобы сделать пребывание Гильяно на Земле более счастливым, они приносили удачу, надували ветром паруса кораблей, ослабляли противника в битвах, копили богатства и открывали места залежей золота и драгоценных камней.

С помощью лилу Гильяно могли выполнять свою миссию на Земле. Они владели Великими Таблицами МЕ, которые раскрывали секрет всего сущего в этой Вселенной. Эти Таблицы хранились в Доме. И без вечной жизни Стражам Дома, хранителям Таблиц, трудно было бы держать Вселенную под контролем, многое бы ускользало от их внимания, что-то бы неизменно забывалось. Ведь эта Вселенная была царством сна, глубокого, почти беспробудного. С исчезновением лилу миссия Стражей оказалась под угрозой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.